

UCI University of California, Irvine

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

3

**Стенограммы грузино-абхазских встреч
и телепередач по абхазской проблеме**

Декабрь 1999

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhazian Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by a grant from
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 2000 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

Содержание

Серия телепередач о грузино-абхазском конфликте	5
Право наций на самоопределение	7
Телепередача «Ретроспектива»	17
Абхазия — пути разрешения конфликта.....	32
Встречи представителей грузинских НПО с общественностью Абхазии в рамках проекта «Исследования народной дипломатии в разрешении абхазо-грузинского конфликта»	45
Некоторые отрывки из стенограммы пресс-конференции в культурном центре «Абаза».....	47
Стенограмма встречи в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д. Гулия АН Республики Абхазия. 16 декабря 1999г. .	56

Серия телепередач о грузино-абхазском конфликте

Предисловие

В процессе разрешения грузино-абхазского конфликта наряду с официальными переговорами ведется перманентный диалог на неправительственном уровне. По мнению его участников, для справедливого урегулирования конфликта очень важным является публичность результатов диалога. Общественность должна иметь возможность быть в курсе дел, должна активно включаться в разворачивающийся процесс.

Главная проблема — это отчужденность. Наша цель — снять эту отчужденность и заполнить информационный вакуум в обществе. Мы считаем, что общественность должна знать, как идет диалог вокруг абхазского вопроса, какие встречи состоялись, кто в них участвовал и какие позиции были представлены.

Уже несколько лет при содействии Калифорнийского университета г. Ирвина работает проект «Пути построения мира — исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта» (руководитель Пола Гарб). В рамках этого проекта уже состоялось несколько встреч между представителями абхазской и грузинской общественности, одна из них — в Сухуми. Каждая из этих встреч была освещена масс-медиа. Было издано два совместных сборника статей участников проекта.

На этот раз вашему вниманию предлагаются стенограммы трех телепередач, показанных по грузинскому телевидению в декабре 1999 г., и встречи представителей грузинских НПО с представителями общественности Абхазии.

Следует отметить, что одна из представленных в сборнике теледискуссий, «Право наций на самоопределение», подготовленная неправительственными организациями «Студией Ре» и Ассоциацией молодых юристов, неожиданно вызвала очень неоднозначную и бурную реакцию, проявившуюся, в частности, в виде уличных выступлений протеста. Такая реакция — логическое следствие душевного разброда среди людей, интересующихся грузино-абхазским конфликтом. Эта теледискуссия в «Студии Ре» повлекла за собой и передачи на 1-ом канале грузинского телевидения (в программе «Ретроспектива») и на радио. Появились и публикации в газетах.

Несмотря на то, что реакция эта была в значительной части отрицательной, мы считаем, что даже такая реакция является положительным результатом деятельности неформальной дипломатии. То,

что наша позиция была донесена до общественности и она, может быть, не совсем адекватно, но отреагировала на деятельность НПО, показывает, что неформальная дипломатия может пробудить общество. Это может стать толчком для дальнейшего развития общественных процессов в сторону конструктивной трансформации еще не разрешенного конфликта.

Мы благодарим «Студию Ре», Ассоциацию молодых юристов и телепрограмму «Ретроспектива» за предоставление материалов, благодарим Батала Кобахия за предоставление стенографической записи сухумской встречи, а также Тамару Шамиль, Эмиля Адельханова и Зураба Черкезишвили.

**Паата Закареншвили,
Кавказский институт мира, демократии и развития**

Право наций на самоопределение

11 декабря 1999 г.

Теледискуссию подготовили:

«Студия Ре», Ассоциация молодых юристов и II канал гостелевидения

Давид Пайчадзе, ведущий. — Здравствуйте. Тема нашей сегодняшней передачи — Абхазия, ее будущий возможный статус и проблема беженцев, но не в социальном контексте, а в ее отношении к первому вопросу — к возможному статусу Абхазии. Гости нашей сегодняшней передачи — эксперты Хорст Ханум — профессор Флетчерской школы дипломатии и права, Давид Бердзенишвили — политсекретарь Республиканской партии и Гоги Хуцишвили — руководитель Международного центра конфликтологии. Нынешняя ситуация в Абхазии характеризуется как «зашедшая в тупик временная стабильность». Что, по-вашему, может сыграть роль импульса, после которого можно будет реально начать разговор об определении статуса Абхазии? Коренные изменения в российской политике или изменения в политике Запада и международных организаций, изменения позиций самих сторон — грузинской и абхазской — или новый этап в диалоге этих сторон? В первую очередь я передаю слово нашему гостю из Америки.

Хорст Ханум, профессор Флетчерской школы дипломатии и права. — Большое спасибо. Прежде всего, разрешите поблагодарить за приглашение. Я очень рад, что нахожусь в Грузии. Это мой первый визит в вашу страну, хотя я имел возможность встречаться и беседовать со многими грузинами за границей.

Сначала, наверное, надо отметить, что несмотря на мое присутствие сегодня среди экспертов, я не считаю себя экспертом в кавказских вопросах, хотя и работал во многих странах над вопросами самоопределения, национальных меньшинств и прав человека и надеюсь, что этот опыт мне сегодня пригодится.

Было бы хорошо начать беседу с оценки грузино-абхазского конфликта с точки зрения международного права. Очень важно помнить, что если по международному праву абхазы имеют право на самоопределение, то ясно и то, что у них нет права на самостоятельность и отделение от Грузии.

Из международного права так же ясно, что нынешние границы Абхазии неприемлемы, и возможно, в будущем они изменятся — в соответствии с грузино-абхазским соглашением.

Давид Пайчадзе. — В таком случае, давайте более детально объясним понятие «самоопределение», определим ту грань, которая проходит между самоопределением и отделением от Грузии.

Хорст Ханум. — Очень опасно просить юриста, профессора, коротко ответить на такой важный вопрос. Ваш вопрос очень интересен, так как существует множество видов самоопределения, и самоопределение не обязательно подразумевает независимость.

В случае, если Грузия и Абхазия не пойдут по пути полного отделения, правильнее будет говорить не о самоопределении, а о двустороннем определении. Это, конечно, подразумевает существование определенных соглашений о будущих отношениях между Грузией и Абхазией. Характер таких соглашений не определяется международным правом и зависит только от желания конфликтующих сторон.

Давид Пайчадзе. — Передаю слово Давиду Бердзенишвили.

Давид Бердзенишвили. — Абхазскую проблему надо рассматривать в контексте проблемы общегосударственной. Я думаю, что в наследство от советского периода мы получили пеструю Грузию, и наша задача состоит в том, чтобы превратить ее в Грузию плюралистическую. Пестрая она во многих отношениях. У Грузии нет ресурса авторитаризма, и это хорошо, так же, как у России нет ресурса тоталитаризма, и это тоже хорошо, потому что решение проблем Грузии, в том числе абхазской проблемы, возможно только в условиях становления демократического общества высокого уровня. В любой другой обстановке договоры между грузинской и абхазской номенклатурами не будут прочной основой для их совместной жизни в одном государстве. Я думаю, что абхазы имеют право создать отдельное государство, но при этом необходимо найти такую модель, по которой абхазы и грузины предпочтут жить в одном государстве, а иначе территория бывшей Абхазской АССР будет разделена между абхазской и грузинской сторонами. Признавая, что абхазы имеют право создать отдельное государство, нужно надеяться, что реализация этого права в условиях наших особых интересов будет ограниченной — если, конечно, пойдет реальный диалог между грузинской и абхазской сторонами, что, к сожалению, пока является довольно отдаленной перспективой. Достичь хорошего, устойчивого сосуществования пока невозможно, т.к. демократического общества у нас сегодня нет и тенденции к его формированию пока слабы. Между властью и населением существует глубокое отчуждение. У населения пока недостает признаков общества, со стороны существующей власти тоже пока не исходят импульсы, способные помочь формированию общества. Если будет добрая воля с обеих сторон, если грузинский и абхазский народы, особенно грузинский, заставят своих правителей рассматривать абхазскую

проблему в демократическом пространстве, то в этом случае будет вероятность того, что абхазы захотят жить в составе Грузии, как подавляющее большинство басков хочет жить в единой Испании. Для этого в первую очередь необходимо соглашение между грузинами и абхазами, чтобы был признан факт определенной этнической чистки. Иначе проблемы не решатся. Это трудно и для абхазов, и для грузин. Республиканцы предложили грузинской и абхазской обществам, точнее, протообществам, разделить территорию от Псоу до Ингури на две части: половина Сухуми и северо-запад Абхазии приобретает статус Абхазской республики, причем если эта республика пожелает быть в составе Грузии, то этот статус будет очень высоким; другая же часть будет обладать статусом обычных регионов Грузии.

Давид Пайчадзе. — Батоно Гоги...

Георгий Хуцишвили. — После окончания абхазской войны прошло более 6 лет. Если мы посмотрим, какие изменения произошли за этот период, какие были сделаны попытки, то убедимся, что при решении этой проблемы надо смотреть на факты реально, делать соответствующие выводы и не питать иллюзий. Была надежда, что эта проблема решится легко и быстро, но этого не произошло. Была надежда, что вмешаются международные организации и мировое содружество или будут пущены в ход сильные экономические и политические стимулы для решения этой проблемы. Не сработало и это. Надеялись и на Россию, но тоже безрезультатно. Надеялись на мобилизацию населения и некоторых группировок, которые силовыми методами могли бы решить проблему, но, слава Богу, этого тоже не произошло, потому что таким путем проблема только усложнилась бы. Можно сказать, что за все эти годы были более или менее интенсивные попытки решения вопроса, но надо также отметить, что той консолидации и организованности, которые нужны для конструктивного решения такого вида проблемы, у нашего общества не оказалось. У него оказалось только ожидание того, что вмешается посторонняя сила и за нас решит эту проблему. В этих условиях важно понимать, что можно сделать, зная реальное положение, настрой, существующий потенциал — нужно предугадывать развитие ситуации и принимать определенные меры. Все зависит от того, насколько активнее станет наше общество, и что мы будем предлагать абхазскому обществу. Если наши партнеры, абхазское общество, увидят в наших предложениях конструктивное зерно, то можно будет вести дальнейшие переговоры. А абхазское общество — это не только то руководство, которое правит сегодня территорией Абхазии.

Давид Пайчадзе. — А кто это, Батоно Гоги? Ведь кроме Ардзинбы, выступающего от имени правительства, на этом поприще пока никто еще не

выступал.

Георгий Хуцишвили. — Понятно, но и у тех, кто старается сохранить ту степень недоверия, которая на протяжении лет создавалась между абхазским и грузинским обществом, существует аргумент, что в Грузии нет сколь угодно сильной тенденции или инициативы со стороны общества включиться в конструктивное решение этого конфликта.

Давид Пайчадзе. — Батоно Давид, вы сказали, что у абхазов есть право на создание независимого государства. Такого в нашем правительстве никто еще не говорил. Кажется, с нашей стороны это значительный компромисс, ведь грузино-абхазский диалог, если он вообще происходит, то происходит в условиях высокой бескомпромиссности. Сегодня здесь присутствуют представители правительства и неправительственных организаций. Интересно было бы послушать их мнение: может ли правительство допустить такое, т.е. разрешить создание абхазского независимого государства для того, чтобы в замороженных отношениях наступил, наконец, прогресс, чтобы лед, наконец, тронулся?

Елена Тевдорадзе. — Хочу согласиться с Давидом Бердзенишвили в том, что говорить о чем-то можно только, когда у обеих сторон будет твердая демократическая платформа. Я несколько месяцев назад была в Абхазии, встретила с молодыми людьми, 18-19-летними. В их памяти осталась война и та жизнь, которой они живут, и, представьте, они довольны! Довольны потому, что вся информация, которая идет в ту сторону, о том, как хорошо жить свободно, независимо и какое несчастье жить в целостной, единой Грузии. И у меня осталось впечатление, что мы многое потеряли, мы потеряли поколение — то поколение, которое сегодня не противостоит Ардзинбе, и это, по-моему, самое страшное.

Лия Мухашаврия. — В данном случае я буду говорить как рядовой член общества, как рядовая грузинка. Я хочу выразить свою позицию в отношении того, что общество индифферентно, пассивно и не выразило своей воли. Я, как простая смертная и обыкновенный человек, уже очень устала от этой затянувшейся проблемы и полагаю, что мне, как гражданину, следовало бы делегировать политика, чтобы он и решал политические вопросы. Вот он и должен принимать решения по таким вопросам. Такие вопросы должны решаться правительством и политиками. И нечего тут говорить об обществе и о позиции общества. Решение должно было быть принято уже давно. Запаздывает процесс выработки решения.

Полагаю, что присутствующие здесь сегодня политики должны прислушаться к мнению рядового гражданина: они обязаны работать более активно.

Зураб Чиаберашвили. — Слова Давида Бердзенишвили о том, что у

абхазов есть право на независимость, несомненно, резанут слух большинства наших сограждан. Поэтому, я думаю, их надо разъяснить поподробнее, и Давид Бердзенишвили, наверное, так и сделает.

Я же добавлю, что у них есть право на независимость постольку, поскольку официальный Тбилиси не предлагает им никакого плана насчет того, в какое государство он приглашает абхазов. Т.е. я хочу подчеркнуть, что у нас оперируют такими терминами, как «возвращение Абхазии», а это очень оскорбительно для абхаза — его должны взять за руку и куда-то вернуть, откуда-то выгнать и т.д. Сам этот термин показывает, что мы не приглашаем их к диалогу, а просто возьмем их за руку и, как слепых, поведем в какое-то неопределенное государство, которого сами пока не определили, ибо плана пока не существует. Человек имеет полное моральное право, — такое право есть и у абхаза — объявить: я не знаю, в какое государство меня приглашают, международное сообщество пока не убедилось в том, что это государство будет демократическим и в нем будут соблюдаться все права человека. Этим и объясняется высказывание о том, что у абхазов есть право на независимость.

Александр Русецкий. — Я думаю, что наша страна действительно пестрая, и если мы — демократы, мы должны оставаться ими до конца, т.е. грузино-абхазский конфликт можно рассматривать в двух аспектах: первый — Сухуми-Сухуми, второй — Сухуми-Тбилиси. Если мы будем говорить только о тех, кто живет в Тбилиси и Сухуми такое видение морально неоправданно. Те, кого мы сегодня называем абхазами, это абхазы этнические. Большинство грузин сегодня находится на положении беженцев и находится за пределами Абхазии. Поэтому, исходя из того, что Абхазия — государственное образование, судьбу Абхазии, прежде всего, должны решать те, кто является абхазами по географически-территориальному происхождению.

Главная ошибка грузинской политики в течение этих лет — то, что в этом процессе не участвуют на равных грузины и грузины-абхазы, что у них нет такой возможности. И второе: политическая стратификация в Грузии не на таком уровне, чтобы доверить решение этой проблемы только политикам. По-моему, надо действовать объединенными ресурсами и урегулировать эту проблему объединенными усилиями.

Гоги Лордкипанидзе. — С моей точки зрения, предлагаемое разделение Абхазии на две части — на грузинскую и абхазскую, создание двух анклавов теоретически, наверное, возможно, но практически оно нереально по многим причинам, в которые вдаваться сейчас я не имею возможности. Скажу одно: я бы не стал отвергать конфедерацию — но не как панацею, а как одну из возможных моделей. Такая идея существовала и раньше. Разумеется,

параллельно должны быть разрешены все гуманитарные вопросы, связанные с возвращением беженцев, включая их адаптацию к протекающим в самой Абхазии политическим процессам. Это сдвинет с мертвой точки рассмотрение вопроса о статусе. Во всяком случае, по-моему, конфедеративная модель ближе всего к взаимному компромиссу. Это реально. Я ставлю этот вопрос в данной аудитории, и огульно отрицать такую возможность, наверное, неправильно.

Гела Николаишвили. — По-моему, мы должны вернуться к вопросу о статусе, поставленному в начале передачи. Наша беседа в некотором смысле выходит легкомысленной. Когда речь идет о том, что мы предлагаем абхазам, надо иметь в виду: правительство Грузии им уже предложило самый максимальный статус в границах грузинского государства из всех, что только существуют в мире. Надо осознать тот факт, что абхазы не согласны ни на какой статус, но для них неприемлемо и разделение Абхазии: северная часть им, а южная — грузинам. Поэтому вопрос стоит так, как это представляется грузинскому правительству, грузинской общественности — вопрос о возвращении Абхазии. Сегодня, наверно, надо прямо сказать, что грузинская общественность не готова предложить абхазам какую-нибудь приемлемую для них форму возвращения в Грузию. Есть два пути. Один в виде прямой военной агрессии. Надо быть такими сильными, как, например, США, которые вмешались в балканскую войну, или как та же Россия, которая ведет широкомасштабную войну с Чечней. Но вернуть кого-либо таким методом невозможно, и войну с Чечней Россия проиграет. А нам надо думать о том, чтобы создать гражданское общество и сопутствующие ему остальные процессы — мощную военную силу, хорошие социальные условия — и затем все это предложить абхазам. Хотя все это — дело далекого будущего. Нам надо осознать, что нынешние абхазы в ближайшем будущем на это никак не согласятся. Итак, существуют два пути, и один из них — чтобы абхазское общество осознало и увидело, что быть вместе с Грузией для него перспективно. Давид Бердзенишвили привел пример басков, я приведу еще один пример: Коста-Рика давно просится, чтобы ее приняли 51-ым штатом США, но американцы на это не согласны.

Георгии... Анчабадзе. — Право создать государство имеет любой народ — оформившаяся этническая общность, обладающая общим самосознанием, самоназванием, единой, в целом, культурой и территорией, на которой проживала исторически. Абхазы, несомненно, относятся к таким народам. Но когда мы говорим о самоопределении какого-либо народа, какой-либо нации в рамках того или иного государства, во внимание принимается множество факторов: геополитическая конъюнктура, исторические предпосылки, состав населения и т.д. В этом смысле

реализация полной независимости Абхазии сталкивается с определенными трудностями. В первую очередь потому, что национальный состав населения Абхазии перед войной был неблагоприятен для абхазов: их было 18% от общей численности населения, хотя исторически на этой территории абхазы составляли большинство. Когда мы говорим о решении абхазского вопроса, нам необходимо найти компромисс, приемлемый как для грузин, так и для абхазов.

Разделение территории на две части неприемлемо для абхазов, так как это их родина, а они обладают обостренным чувством родины. Это то же самое, что предложить грузинам провести границу Грузии по Сурамскому хребту.

Я не считаю правильным и деление абхазов на абхазов по этническому признаку и абхазов по территориальному признаку. Абхазом является тот, кто считает себя представителем абхазского этноса.

Выход из создавшегося тупика можно найти путем образования такого государства в международно признанных границах Грузии, в котором будет реализован политический суверенитет обеих наций. Таким государством мне представляется широкая федерация или конфедерация.

Паата Закареишвили. — Разговоры о том, что Грузия предлагает широкую автономию Абхазии — только декларация, потому что за ней ничего не стоит. Нигде в мире, ни в одной библиотеке, ни в каких юридических документах, вы не найдете определения широкой автономии. Каждое государство определяет автономию, исходя из реальной ситуации. К сожалению, прошло 7 лет, и наше государство ничего не сделало для того, чтобы определить, какую автономию, какую форму государства мы предлагаем абхазам. Это главная наша проблема: Тбилиси оказался неготовым к решению этой проблемы. Часто говорят о конфедерации. Конфедерация — это, в конечном итоге, деление государства мирным путем. К сожалению, ни одна конфедерация в мире не состоялась. Такое авторитарное конфедеративное государство, каким был СССР, все-таки разрушилось, как только началась определенная либерализация управления государством. Наша основная надежда — то, что международное право на нашей стороне, и никто не допустит деления Грузии или выхода Абхазии из ее состава. Поэтому наша политика должна быть более смелой, более открытой и, что самое главное, Грузия должна состояться как государство и встать на ноги. Мы должны способствовать развитию демократических преобразований в Абхазии, мы должны сами стать демократическим государством, интересным и привлекательным для Абхазии.

Давид Пайчадзе. — Я хочу опять обратиться к нашим экспертам, а именно к г-ну Хануму, и спросить его: могут ли военные успехи России в

Чечне создать такой политический фон, при котором правительство Грузии изменит свою политику в отношении Абхазии? Можно ли сейчас определить возможное направление этих изменений?

Хорст Ханум. — По-моему, нашей дискуссии не хватает одного — рассмотрения конфликта в региональном контексте. Абхазия, как видно, давно наблюдает за Чечней, за тем, как будут развиваться события там. Следит и за Нагорным Карабахом. Без сомнения, Южная Осетия, со своей стороны, будет так же наблюдать над Абхазией. Тем не менее, каждый из этих конфликтов своеобразен, и решение каждого из них требует разных методов. По-моему, для успешного продолжения переговоров обязательно надо начать думать на региональном уровне. Теперь, когда у Грузии есть, а у России скоро будет вновь избранное правительство, хорошо было бы, чтобы Грузия, Россия, Армения и Азербайджан постарались решать не эти индивидуальные конфликты, а встретились бы хоть раз и согласились в том, что необходимо решение всех конфликтов региона мирным путем. В случае достижения такого соглашения в нем непременно должно быть отмечено, что правительство каждой страны готово к переговорам с абхазами, осетинами, карабахскими армянами, чеченцами без всяких предварительных условий, ибо это необходимо для изменения существующего положения.

Турецкая республика Северного Кипра *де-факто* независима уже 35 лет. И, тем не менее, ее никто не признал. Уровень жизни населения там составляет 25% от остального населения Кипра. Этим я хочу сказать, что чем больше времени пройдет, тем труднее будет решать существующие конфликты.

По-моему, сколько бы нефти ни прошло по вашим нефтепроводам, стабильность на Кавказе не установится до тех пор, пока не будут решены конфликты в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и Чечне.

Давид Бердзенишвили. — Прежде чем мы перейдем на широкие регионы, хочу сказать несколько слов об упомянутых конкретных регионах. В Абхазии, в отличие от всех названных самопровозглашенных государственных единиц — Карабаха, Южной Осетии, Северного Кипра, Чечни — иная демографическая картина. Во всех остальных регионах осетины, армяне, турки, чеченцы и т.д. и до конфликта составляли большинство. Тут самая трудная, определяющая проблема — это проблема демографическая, а не проблема статуса. Абхазы не могут прямо заявить, что они не вернут перемещенных лиц домой, но в данный момент они не могут пустить их обратно и пытаются выиграть время, т.к. в случае возвращения беженцев они снова окажутся в меньшинстве. Нам, грузинам, это нужно осмыслить в историческом аспекте, т.к. довоенная демографическая ситуация в Абхазии была результатом грузинской советской экспансии. А

теперь хорошо бы рассмотреть этот вопрос в широком региональном аспекте. Я согласен с Паатой Закареишвили, что во внутриобщественной и в региональной политике не надо ждать, когда абхазы по численности сравнятся с грузинами. Желательно, чтобы инициативность Тбилиси, с учетом международных факторов, возросла. Если даже использовав военно-политические союзы, мы осуществим в ближайшие годы блицкриг, это ни в коей мере не будет решением проблемы. Даже Россия не может решить военным путем чеченский вопрос, тем более мы не решим проблему абхазского сопротивления, не предоставив Абхазии свободы выбора.

Говоря о праве абхазов на собственное независимое государство, я считаю, что именно с таким заявлением мы должны пойти на диалог с ними. Этим мы увеличиваем шанс того, что из разных вариантов будет выбрана модель пребывания Абхазии в составе Грузии.

Давид Пайчадзе. — Спасибо. В заключение нашей передачи я хочу передать слово г-ну Хуцишвили.

Георгий Хуцишвили. — Я хочу вернуться к тому, о чем мы говорили чуть раньше в этой передаче. Что может общество? Есть люди, которые имеют возможность принимать решения, и есть остальное общество, которое должно какие-то решения взять на себя. Если мы заявляем, что у нас есть независимое государство, что мы — общество и что мы идем к тому, чтобы стать гражданским обществом, это означает следующее: говоря о том, что может сделать общественность даже в тех условиях, когда решения принимаются на совсем другом и недоступном уровне, мы уже движемся по пути формирования гражданского общества. Мы должны повлиять на наше руководство, на нашу власть, чтобы оно приняло решение. Правильно отметил г-н Ханум: чем больше проходит времени, тем труднее решать проблему, тем глубже становится отчуждение между нами, а это делает конфликт вообще неразрешимым.

Давид Пайчадзе. — Батоно Гоги, как можно повлиять на правительство и какое решение оно должно принять?

Георгий Хуцишвили. — В одностороннем порядке принять решения мы не сможем. Мы сможем сделать это только вместе с абхазами. Иного выхода, иного пути нет. Пусть никто не думает, что где-то в кабинетах можно создать какую-то модель, которую абхазы примут, как только мы ее предложим. Какой бы хорошей она ни была, ее не примут. Примут только в том случае, если мы вместе отработаем эту модель, если мы вместе пройдем все этапы. Это элементарное правило теории договоров. Мы уже рассмотрели, что с нами делают иллюзии. Мы изначально боимся слова «федерализм». Один политик заявил, что если пойдет на федерацию, то будет забросан камнями собственным народом, не приемлющим эту идею.

Федерация, конфедерация — все это для них какие-то чудовища.

Когда мы начинали переговорный процесс, наши оппоненты в течение многих лет требовали, чтобы разговор шел на принципах равенства, партнерства. Почему-то нам это казалось унижительным: как можно было, чтобы мы с абхазами сели для переговоров с одинаковым статусом?! Что являлось огромной ошибкой. Такой подход вовсе не означал бы, что мы приносим вред грузинской государственности. Мы не сделали первого шага, мы должны были продемонстрировать, что готовы к компромиссам, что мы цивилизованные люди, что мы уверены в том государстве, которое предлагаем и им. Мы готовы, цивилизованы, не боимся и предлагаем им конструктивное решение — вот тогда бы они не смогли не пойти на переговоры. Но дело в другом. Те политические силы, которые руководят сегодня Абхазией, не заинтересованы, чтобы этот вопрос решился на этом этапе. И какую бы широкую автономию, и какую бы вообще модель в рамках единого государства мы ни предложили, все равно не сработает. Но с другой стороны, я хочу также сказать, что те гарантии, которые мы им даем, там не воспринимаются как гарантии. Международное содружество пока не настолько подключено к проблеме, чтобы стать гарантом. В чем же гарантия? Вот в чём суть проблемы статуса Абхазии.

Давид Пайчадзе. — Наше время истекло, и я думаю, что, несмотря на множество ответов, которые мы получили, в конце передачи все ответы превратились в вопросы. Просто эта тема еще не исчерпана и ждет ответов.

Спасибо, что пришли к нам в студию.

Телепередача «Ретроспектива»

28 декабря 1999 г.

I канал Грузинского телевидения

Тамара Цагарейшвили, журналист — Добрый вечер! В эфире «Ретроспектива». В 1999 году мы с вами встречаемся в этой студии последний раз и хотим предложить вам обсудить сегодня одну из самых значительных и болезненных для нас с вами проблем — проблему территориальной целостности нашей страны, пути и перспективы ее восстановления.

Позвольте мне представить наших гостей. Сегодня в нашей студии собралось много интересных людей: г-н Реваз Адамия — председатель Комитета по вопросам обороны и безопасности парламента Грузии, г-н Ираклий Церетели — координатор Комитета деокупации, г-н Давид Бердзенишвили — исполнительный секретарь Республиканской партии, г-н Тамаз Нада-реишвили — председатель Верховного совета Абхазии, член парламента Грузии.

Господа! Перейдем прямо к обсуждаемой теме, поставим конкретный вопрос: каковы пути и перспективы восстановления территориальной целостности нашей страны?

Г-н Реваз, наверное, лучше начать разговор с той точки, на которой переговоры реально остановились на сегодняшний день. И еще раз разъясним людям, которые нас внимательно слушают, позицию нашего государства и наших властей.

Реваз Адамия. — Хороший вопрос, потому что мы и вправду «остановились». У меня есть возможность участвовать в переговорах в рамках Женевского формата, да и в других переговорах, и я хочу отметить, что заметного прогресса в прямых переговорах с абхазами на сегодняшний день у нас нет. Каковы пути и перспективы? Наверное, это слишком обширная тема и ее можно обсуждать с разных сторон. На этот раз я выделю основное: главный вектор, который может обеспечить прогресс — это соглашение с Россией, которое уже подписано, и которое предусматривает вывод российских военных баз с территории Грузии, и в первую очередь Гудаутской базы, так как уход из Абхазии российских войск, я уверен, значительно изменит ландшафт переговоров и отношение абхазской стороны к процессу переговоров.

Что касается переговоров, здесь доминируют две центральные темы:

первая, обсуждение которой зашло в тупик, — это статус Абхазии; вторая — вопрос возвращения беженцев. Наша позиция — это возвращение беженцев при условиях полной гарантии безопасности. Таких гарантий дать не может никто — ни грузинское правительство, ни миссия ООН, ни российские миротворцы, ни сами абхазы. Единственной гарантией могло бы стать использование таких международных сил, которые действуют, например, на Балканах. Сегодня такой возможности не существует, все это пока предмет переговоров, но мы надеемся, что в 2000 году вопрос о выводе российских баз будет решен, на переговорах откроются перспективы и в этом направлении.

Тамара Цагареишвили. — Большое спасибо.

Г-н Тамаз, до того, как мы непосредственно коснемся вопроса о статусе, я хочу спросить вас о той большой резолюции, которую подготовили определенные политические силы и которая непосредственно касается этого вопроса. Я знаю, что резолюция состоит из 14 пунктов, и сейчас мы не успеем ее обсудить, но, если можно, обозначьте основные векторы этого документа.

Тамаз Надареишвили. — Я попытаюсь быть кратким. Я считаю, что мы должны начать с оценки того, что произошло. Я категорически против того, чтобы трагедию, произошедшую в Абхазии называть грузино-абхазским конфликтом. Если это был грузино-абхазский конфликт, то, значит, на одной стороне были грузины, а на другой — абхазы. В реальности же такого не было. На одной стороне, правда, были грузины, но на другой — русские, адыги, черкесы, казаки, чеченцы, турки, сирийцы, иорданцы и др. Это немного выходит за рамки грузино-абхазского конфликта. Поэтому я считаю, что этот конфликт, являющийся по сути военно-политическим конфликтом, географически проходил в Абхазии, но был инициирован третьей силой — российским государством. Это было агрессией российского государства и регулярных войск России, которые оккупировали территорию Абхазии. Это самое главное, из того, что надо сказать. Поэтому я согласен с г-ном Адамия: переговоры с абхазами нам ничего не дадут, так как они ничего не решают. Грузино-абхазский конфликт должен рассматриваться в свете грузино-российских отношений. Теперь о втором вопросе, который вошел в нашу резолюцию. Почему всё это случилось? Неужели грузины и абхазы не смогли поделить университет и футбольную команду? Конечно же, нет. Просто Грузия провозгласила независимость, объявила о своей прозападной ориентации, взяла курс на строительство независимого демократического государства, заявив о намерении жить по тем правилам, по которым должна жить в этом мире цивилизованная страна. Я считаю, что нам не простили нашего стремления к свободе, и агрессия России была

вызвана независимостью Грузии. Сегодня Россия потеряла экономические и политические рычаги на Кавказе, а отсюда и в Центральной Азии. Грузия стала для нее серьезным конкурентом со своими газопроводами, нефтепроводами, своим геополитическим положением, идеей Шелкового Пути и еще одним немаловажным обстоятельством — Грузия граничит с Турцией — членом НАТО, то есть, граница НАТО уже подошла к Грузии.

Давид Бердзенишвили. — Чтобы реально проявить инициативу в урегулировании абхазской проблемы, нам надо пойти на риск. нас защищают не только резолюции ООН и Лиссабонский саммит, территориальная целостность Грузии защищена международным правом. Но даже не это самое главное, главное то, что после окончания холодной войны произошло много существенных событий, которые могут укрепить нашу позицию и единство Грузии, если мы проявим себя с лучшей стороны — мировая политическая конъюнктура такова, что мировое сообщество пока хочет видеть Грузию демократической страной в тех границах, которые достались нам в наследство от СССР (а это 70 000 км²).

Я воспринимаю проблему Абхазии не только как упрощенную картину грузино-российского противостояния. Для меня не новость, что Грузия подверглась агрессии со стороны России. Я не голосовал за СНГ, как Ираклий Церетели, и не поддерживал в 6 месяцев раз продление мандата российских миротворческих сил. Поэтому, я хочу открыто и прямо сказать: мы не должны бояться инициативы, касается ли это выработанной два с половиной года назад модели разделения Абхазии на две разностатусные части в составе единой Грузии или какой-нибудь другой формы сосуществования. Мы всегда опаздываем. Еще до войны, когда в Сухуми обсуждали проблему Абхазии, грузинская политическая элита Абхазии принципиально не хотела рассматривать Абхазию как регион в составе Грузии, который требовал, чтобы во внешней атрибутике у него было бы такое же название, как у других автономий. Тогда абхазы шли на такие уступки, о которых мы просим их сейчас, после конфликта. Я думаю, что территориальная целостность Грузии защищена на столько, что мы, учитывая наши внутренние ресурсы, можем пойти с абхазами на открытый диалог. Конечно, военно-политическое преимущество иметь надо. Но если не будет внутреннего ресурса, внутренней потребности в воссоздании Грузии как единой родины для грузин и абхазов, как это было тысячу лет назад в Абхазо-Грузинском царстве, то мы окажемся в такой ситуации, что Абхазия так и останется нашей болью, и ломать голову над этой проблемой придется уже нашим детям и внукам.

Там уже седьмой год привыкают жить независимо от Грузии. Это нужно учесть, и поэтому нужна наша инициатива. Какие бы военные победы мы ни

одержали (хотя я думаю, что в военном отношении у нас дела идут не лучшим образом, и г-н Адамия со мной согласится), это реально не решит проблему. Реально проблему решит грузино-абхазский диалог, наше совместное проживание в единой стране.

Тамара Цагареишвили. — Спасибо.

Дмитрий Джаяни, член парламента Грузии, художественный руководитель Сухумского грузинского театра имени К. Гамсахурдиа. — Я все же думаю, что сейчас другое время, и Россия не сможет вторгнуться на территорию Грузии и ввести сюда танки и самолеты.

Давид Бердзенишвили. — Не совсем уж другое время, посмотрите на север.

Дмитрий Джаяни. — Я все-таки думаю, я замечаю, что Россия проводит в Грузии другую политику. Россия заинтересована в том, чтобы в Грузии муслировались два радикальных мнения, а потом верх взяло бы третье мнение. Суть этого третьего мнения, извиняюсь за это слово, — конфедерация. Никого не хочу называть агентом, но вижу, без этого не обойтись — такие иногда услышишь соображения. Мы должны говорить не о статусе абхазов, а о статусе Абхазии. Мы должны возвратиться туда. Абхазия принадлежит нам, конечно, вместе с абхазами. Идею конфедерации надо резать на корню. Пусть это будет федерация.

Реваз Адамия. — *Кое в чем* я согласен с г-ном Давидом Бердзенишвили — в том, например, что в начале девяностых мы должны были идти на соглашения активнее, но, с другой стороны, опережать события — значит рисковать, а это может привести к серьезным отрицательным последствиям. Г-н Тамаз Надареишвили был прав: Россия наказала Грузию Абхазией и Южной Осетией. Что же касается миротворческих сил, их присутствие оправдано, я сам голосовал за продление мандата, этого требовала стратегия, которая имеет свою тактику. Я думаю, что это правильная стратегия. Я думаю, что мы должны размежевать вопросы Гудаутской базы и миротворческих сил. С решениями, принятыми насчет миротворческих сил, я согласен. Что же касается инициативы в грузино-абхазских переговорах, естественно, это путь к решению вопроса, но кроме грузин и абхазов в этом мире есть и другие, и, хотим мы того или нет, некоторые из них прямо вовлечены в конфликт и имеют определенное отношение к проблеме переговоров.

Г-н Джаяни, неважно, как мы будем называть страну, федерацией или конфедерацией. Куда важнее то, что будет подразумеваться под этим названием, как будут перераспределены права и полномочия. Швейцарская конфедерация — совсем неплохое государство и, в отличие от Грузии, целостное.

Очень важно, на чем мы остановимся, какого достигнем решения, на что согласится мировая общественность, и на что согласятся абхазы.

Гено Каладия, член парламента. — С идеей г-на Бердзенишвили я знаком, ее предлагали республиканцы, когда приезжали в Абхазию в самые тяжелые времена, но сегодня идти на этот диалог с абхазами уже наивно. Мы хорошо знаем абхазов. Они не пойдут на это. Я не хочу возвращаться в разделенную Абхазию. Диалогу не бывать до тех пор, пока там правит Ардзинба и его сторонники. Диалог, наверное, должен состояться, но вот уже 7 лет, как не сделано ни одного шага вперед. О каком диалоге можно говорить — абхазы не уступят ни одной своей деревни.

Тамаз Надареишвили. — Я хочу добавить, что никто не хочет брать оружие и снова идти воевать. Естественно, я тоже в числе тех, кто будет приветствовать мирное урегулирование конфликта. Но это фантастика, не потому что я этого не хочу, а потому что этому не бывать. Политический диалог продолжается седьмой год, и что из этого? Мы не перешли через Ингури ни на один сантиметр, не вернули ни одного беженца в Абхазию под грузинской юрисдикцией. Более того, за этот период более 1500 грузин были расстреляны при непосредственном участии российских миротворческих сил только за то, что они грузины. О каком статусе можно говорить с сепаратистами, когда они при каждом удобном случае категорически объявляют себя независимым государством?! Они не отдадут ни одной деревни. Они провозглашают независимое государство со своей конституцией и атрибутикой. Если они и соглашаются на переговоры, то только с целью достичь добрососедских отношений.

Я родился и вырос в Абхазии. На протяжении шести-семи лет ситуация изменилась и тут, и там. Если вы смотрите наше абхазское телевидение, вы знаете статистику: каждую неделю в Грузии умирает от 50 до 60 беженцев. Интересно, кого мы вернем в Абхазию?

Давайте прекратим эти политические игры, прекратим использовать абхазскую проблему для карьеры как политический трамплин. Так дело не пойдет. В течение семи лет мы приветствовали все переговоры, просили о включении в них нашей делегации. Вроде бы ситуация изменилась к лучшему и, — этому способствовали гг. Реваз Адамия и Важа Лорткипанидзе — наша делегация теперь присутствует на встречах. Но это еще ничего не решает. Абхазы не хотят разговаривать ни о чем: ни о конфедерации, ни о федерации — они прямо заявляют о своей независимости. А что мы им предлагаем? Мы предлагаем быть одним из субъектов единого государства — Грузии, с каким статусом, это другой вопрос. Я, как коренной житель Абхазии, конечно, постараюсь забрать побольше полномочий из центра в регионы, но не только для абхазов, г-н

Джаяни прав, а для Абхазии и для проживающих там людей всех национальностей.

Другой вопрос, имеет ли Абхазия право стать независимым государством? Ни Абхазия, ни какой-нибудь другой регион Грузии не имеют права становиться независимым государством. Если мы предоставим абхазам независимость, тогда сделаем то же самое по отношению к Аджарии, Мегрелии и будем жить в республике Ваке-Сабуртало (один из тбилисских районов. — Ред.). Это мне непонятно, страна должна строго блюсти свои границы. Никто не имеет права раздавать территории. Граница проходит на р. Псоу, и мы должны соблюдать ее.

Ираклий Церетели. — Хочу остановиться на трех вопросах. Во-первых, пусть никто не думает, что грузинская нация — это только грузины. Грузинскую нацию, наряду с грузинами, составляют и абхазы, осетины, армяне, азербайджанцы, айсоры и люди других национальностей. Все этнические негрузины представляют грузинскую нацию в государстве Грузия. Так же как в США итальянцы, немцы, англосаксы и другие составляют американскую нацию.

И, исходя из этого, только вся грузинская нация может говорить о праве на самоопределение. И, слава Богу, она уже дважды за один этот век определилась, определилась в пользу независимости, и выбор этот был признан всем миром на универсальном уровне. Что касается абхазской проблемы, мне кажется, мы не сказали самого важного. Я совсем не против того, чтоб грузинские политические силы вели диалог на территории Грузии со всеми этническими группами, как на государственном, так и на негосударственном уровне. Все это очень хорошо, но реальность такова: лидером тех, кого мы называем абхазской стороной, является Ардзинба, а он, и согласно конституции Грузии, и согласно международным законам, является преступником, который вместе с агрессором — Россией — совершил тяжкое преступление против независимости своей страны и целостности ее территории. Абхазия — это Грузия, и его родина — Грузия. Исходя из этого, он не сепаратист, а изменник родины. Для него Абхазия, как для меня Имеретия, — это уголок Грузии, а родина у нас одна — Грузия. Вот так надо поставить этот вопрос. Вину Ардзинбы усугубляет его участие в геноциде грузинского народа, в этнической чистке, в массовых бойнях. Я даже не понимаю, как можно идти на переговоры с преступником. Что же это получается: если, скажем, один человек, сильный физически, бьет второго, то второй еще должен и извиняться за то, что противник сильнее и его трудно победить?

Положение очень сложное, и поэтому решение вопроса надо начинать с России, как с агрессора. Агрессия — это тяжелое международное

преступление, влекущее за собой как политические, так и экономические санкции в виде репарации и реституции. И все это реально, если Грузия займет принципиальную позицию. После того, как будут выведены российские военные базы и ликвидированы последствия агрессии России, после того, как будут задержаны группы преступников, Ардзинба должен сдать грузинским властям. Этот процесс неизбежен. И никаких договоренностей быть не может.

Реваз Адамия. — Батона Ираклий, зафиксировать позицию, что Ардзинба преступник, это одно, но реальность, в которой мы живем, — это другое. Я думаю, что позиция «не будем разговаривать с преступником» имеет право на жизнь, утверждать неправомочность переговоров с абхазскими сепаратистами, как с преступниками, имеют право отдельные политики, но не государство. Государство в этом случае должно выполнять свою функцию. И второе, что я хочу сказать и, возможно, вызову этим гнев г-на Тамаза Надареишвили и моих слушателей, но я не считаю, что за прошедшие 7 лет ничего не сделано. Будем чистосердечны и вспомним, как во время конфликта и после него все мировое сообщество обвиняло не Ардзинбу, не абхазов, а нас — центральное правительство, «Мхедриони», правительственные силы обвинялись в уничтожении маленького абхазского народа. Об этом официально заявляли и недружественные, и дружественные нам государства, и международные организации. Сейчас все это в прошлом. Ни одна страна, включая Россию, и ни одна международная организация не признала независимость Абхазии — и это наша юридическая победа, это то, чего мы достигли за эти 7 лет, г-н Тамаз.

Тамаз Надареишвили. — Вы говорите совсем о другом. Ваша позиция мне понятна, но сейчас разговор не об этом. Бедный беженец, не получающий своих 12 лари в месяц, не понимает всех этих рассуждений и не интересуется ими. Я говорю о практических результатах, о том, что за эти годы мы не смогли вернуть ни одного сантиметра земли, которая сейчас оккупирована.

Реваз Адамия. — Я согласен с вами, но хочу коснуться одного вопроса. Тезис г-на Бердзенишвили лично для меня неприемлем, но практика такого устройства существует. Например, договор Дейтона на Балканах создал определенную систему и этим разрядил ситуацию. Два дня назад я был в Косово. Структура общества там такая же, существуют сербские анклав, и их защищают войска НАТО. Я уверен, если мы будем действовать по такой схеме, и войска НАТО войдут в Грузию (силы НАТО в Косово называются кейфоры, в Абхазии они могут называться эйфорами), в начале мы получим такую же систему. Это, конечно, не значит, что система в целом будет функционировать точно так же, как в Косово. Есть исторический пример

Эльзаса — территории, на которой проживало два народа и на которую претендовали и Германия, и Франция, но, в конце концов, все уладилось и образовалось общество — конгломерат сосуществования нескольких этнических групп.

Джемал Гамахария, депутат парламента, движение «Чкондидели». — Обсуждаемый вопрос, конечно, очень актуален, я подразумеваю вопрос статуса Абхазии, вопрос устройства Абхазии.

Недавно в нашей газете было опубликовано интервью с г-ном Джергения. Он заявил, что Абхазия ни с кем не будет вести переговоры насчет статуса, что статус ее уже определен конституцией 1994 г и что его подтвердил этот недавний так называемый референдум. Что касается предложения г-на Давида Бердзенишвили, я не думаю, что это предложение республиканцев. Не вы его авторы, г-н Давид. Разговор об этом шел еще до войны, я сам не раз принимал участие в обсуждении этого вопроса вместе с абхазами. Между прочим, они сами поднимали этот вопрос, но имели в виду Самурзакано (современный Гальский р-н. — Ред.), а как только началась война, и граница прошла по Гумисте, об этом стали говорить уже очень серьезно. Я принес с собой номер газеты «Агдгома», где помещено заявление абхазской краевой организации движения «Чкондидели» от 31 декабря 1992 г против разделения Абхазии на две части и апрельский номер 1993 г., где помещена статья «О двух Абхазиях». Еще до войны и во время войны мы выступали против идеи, которую сейчас высказываете вы. Вы говорите, что она была высказана два года назад, но разговор о ней шел значительно раньше. Я не знаю, откуда появилась это идея, но тогда казалось, что она родилась в России. Это предложение совершенно неприемлемо. Сейчас у нас мало времени, мы должны выделить один вопрос, по которому достигнуто согласие между всеми политическими движениями (кроме коммунистов) — это вопрос о выводе российских войск из Абхазии. А что будет дальше, как решится после этого абхазская проблема — политическим путем или как-то иначе, пока неизвестно. Все подчеркивают одно — с Ардзинбой договориться невозможно. Пока он во главе Абхазии, любые переговоры исключены.

Хочу вам сказать, что точно так же ставят вопрос абхазы, и я с ними согласен: пока в Грузии у власти находится правительство, которое развязало эту войну и которое до сих пор ничего не сделало, (я не согласен с г-ном Резо, что за эти 6-7 лет многое сделано) переговоры ничего не дадут. Короче, пока существуют эти два правительства, все разговоры о решении абхазской проблемы совершенно напрасны. После их ухода, я уверен, решение этого вопроса возможно, но это уже другая тема.

Паата Закареишвили. — Вообще, батона Джемал, все идеи идут еще из

Древней Греции, нового нет ничего. Надо говорить, исходя из реальности. Идея, высказанная Республиканской партией два с половиной года назад, родилась внутри этой партии и была опубликована, чтоб пробудить общественное мнение. Как видно, общественное мнение в Грузии созревает медленно, и только сейчас появилась реакция, которую я приветствую. Что касается термина «грузино-абхазский конфликт», г-н Тамаз и г-н Ираклий, он официально принят в таком виде и зафиксирован во всех документах, подписанных грузинской и абхазской сторонами.

Ираклий Церетели. — Это ошибка, нет никакой абхазской стороны. Есть русская сторона.

Паата Закареишвили. — В конфликте присутствуют как грузинско-российские, так и грузинско-абхазские отношения, но сегодня судьба Абхазии решается в Грузии, у нас. Нынешние процессы показывают, что грузинское общество еще не сформировалось, цели и желания его еще не ясны, но хорошо, что процесс идет, что делаются передачи на телевидении, правда, пяти-шестиминутных выступлений явно недостаточно. Мы постоянно должны общаться друг с другом, обмениваться позициями и идеями по абхазскому вопросу. Конфедерации не существует нигде в мире, она не состоится никогда, так что вы этого не бойтесь. Мы должны предложить Абхазам совместное обсуждение наших будущих отношений. Я часто встречаюсь с ними и знаю, что они готовы к диалогу. Абхазское общество, интеллигенция, готовы выслушать нас, узнать от нас что-нибудь новое. Как бы не урегулировались наши взаимоотношения с Россией, для нас важнее найти общий язык с абхазами, мы должны признать, что Абхазия является частью грузинской нации и что она должна иметь право на территорию Грузии. Она должна иметь определенные гарантии, без этого абхазы на диалог не пойдут. Мы должны быть готовы к диалогу.

Ираклий Церетели. — Господа, если мы называем этот конфликт грузино-абхазским, то чего тогда мы хотим от Давида Бердзенишвили? Но это все-таки агрессия России против Грузии. Я задаю вопрос: виновен ли Ардзинба с точки зрения международного права и конституции Грузии? Я считаю, что да. Мы говорим, что в Абхазии произошел геноцид, была этническая чистка, была агрессия, но не называем автора. Абхазию надо объявить оккупированной территорией, мир должен узнать об этом от суверенного грузинского государства, чтобы мы могли получить помощь в ликвидации последствий российской агрессии, а потом уже можно говорить о статусе Апысу. Надо принципиальнее давить на Россию, как на агрессора. Вот это главное.

Тамаз Надареишвили. — Я согласен с г-ном Закареишвили, что эти вопросы должны обсуждаться, но мы забываем одно: почему никто не

говорит о беженцах, которые должны вернуться в Абхазию, о правах и гарантиях для 300 тысяч людей? Почему мы хотим сделать первостепенным именно мнение 35 тысяч абхазов? Беженцы вернутся в свои дома только тогда, когда в Абхазии будет восстановлена юрисдикция Грузии, и это будет главной гарантией их безопасности. Я никогда не говорю от имени 300 тысяч беженцев, но у меня есть просьба — когда кто-то с кем-то встречается, и где-то обсуждается вопрос Абхазии, давайте узнаем мнение беженцев, мнение тех людей, чья родина Абхазия. Это я — Тамаз Надареишвили, Гено Каландия и многие другие должны жить там, а не те, кто хочет использовать Абхазию для своей карьеры.

Давид Бердзенишвили. — Так как в наш огород полетело много камушков, скажу несколько слов. Я помню, что когда в 1995 г. вы участвовали в выборах от «Абхазия — мой дом», вы получили слишком мало голосов беженцев, поэтому не считаю, что вы особо уполномочены говорить от их имени.

Тамаз Надареишвили. — А вы вообще не имеете права говорить.

Давид Бердзенишвили. — Во-первых, я не имел претензий выступать от имени 300 тысяч беженцев. Во вторых, вы фактически представитель этой власти и в зависимости от политической конъюнктуры бываете настроены то более радикально, то менее радикально. Г-н Церетели говорит, что не будет разговаривать с Ардзинбой, так как он преступник. На Лиссабонском саммите было зафиксировано, что произошла этночистка грузин, но это не значит, что мы не должны разговаривать с противоположной стороной. Не будем говорить — потеряем все. Г-н Церетели сказал, что грузинская нация — это все, кто живет в Грузии, но, к сожалению, сегодня это не так. Это наша цель, я приветствую то, что вам не чуждо понятие гражданской нации, но это — перспектива. На данном этапе грузинская нация — это этнические грузины, а в Грузии проживают не только этнические грузины. Сегодня мы находимся на этапе становления грузинской нации по западно-демократическому принципу. Если мы не будем более самокритичны и не обвиним в чем-то и себя, не вспомним, как все развивалось, в чем мы были активны, справедливы, в чем виноваты, без этого, без этой внутренней чистки ничего не получится.

Ираклий Церетели. — В этом я с вами согласен, но разве не должны мы определить ответственность России?

Давид Бердзенишвили. — Ответственность России должна быть определена, но не надо ждать, пока это подтвердит все мировое сообщество. Россия была не только агрессором, но она была и фактором, который работал против нас. Этот конфликт не был чистым политическим конфликтом, он имел и признаки этнополитического конфликта. Мы говорили о федерации и

конфедерации. Не имеет значения, к какому названию мы придем — к федерации или автономии. У басков в Испании своя автономия, но у них больше прав, чем у Баварии, которая является субъектом немецкой федерации. Между прочим, г-н Гено, по нашему проекту, который уже просрочен, потому что прошло 2,5 года, после того, как мы его представили, 80% беженцев должны были вернуться в свои дома. Г-ну Джемалу ответить я не могу, так как не знаю, на какие части он не хотел разделить Абхазию 31 декабря 1992г.

Торникэ Беришвили, психолог. — Тут вот все время говорится: НАТО должно сделать то, Евросоюз — сё, Россия нас победила. Это не приведет ни к чему. Первое — войну в Абхазии мы проиграли сами. Вообще, надо спросить себя, хотим мы вернуть Абхазию или нет. Если человек чего-то хочет, то он должен быть готов к определенным жертвам, должен быть готов что-то отдать ради этого. В Абхазии и так воевало мало грузинских мужчин, но из грузинского населения Абхазии воевали, можно сказать, почти единицы. Почти всех из них, кто воевал, я знаю в лицо. Поэтому я спрашиваю: хотим мы эту территорию или нет? Заглянем внутрь самих себя и определимся: если мы хотим вернуть Абхазию, то мы должны найти силы принять решение и сделать что-нибудь. Мы, грузины, должны решить, хотим сделать что-нибудь или нет? Если действительно хотим — для этого нужна серьезная жертва. Помните выражение — хочешь мира, готовься к войне? Именно поэтому мы должны быть готовы ко всему, чтобы мирным путем решить проблему.

Ираклий Церетели. — Я удивлен словами г-на Торникэ Беришвили и не согласен с ним. В Грузии нет деревни, которая не имела бы погибших в Абхазии. Теория, что все грузины должны были воевать в Абхазии, неверна. Воинов в Абхазии хватало, их было даже больше, чем нужно, там не было нехватки живой силы.

Георгий Анчабадзе. — Проблема не решится, пока мы не станем называть вещи своими именами. Почему мы избегаем говорить, что это была война между грузинами и абхазами? Кто противостоял грузинским войскам? Абхазские формирования на 70-80% состояли из собственно абхазов. Упомянутые тут граждане Сирии, Иордании и Турции тоже в основном были этническими абхазами. Это факты, которые нельзя замалчивать.

Реплика. — Абхазы говорят то же самое.

Георгии Анчабадзе. — Ну и что? Я и сам абхаз.

Реплика. — Русские самолеты там тоже были.

Георгии Анчабадзе. — Самолеты и танки как у грузин, так и у абхазов были российского производства.

Реплика. — Управлял-то самолетом русский летчик.

Георгий Анчабадзе. — Я говорю об основной массе комбатантов. В этой войне погибло до 3-х тысяч абхазов. Что их погубило, если не война? Я часто встречаюсь с абхазами по линии народной дипломатии. Нельзя сказать, что общество там однозначно настроено на какую-либо форму совместной государственности с Грузией. И там, и здесь в значительной мере сохраняются отрицательные стереотипы взаимного восприятия. Поэтому, в первую очередь нужно приложить максимум усилий для их устранения. Что же касается вопроса разрешения конфликта, то силовым методом его не разрешить. К проблеме надо подходить с позиций мирового гуманитарного опыта и прав человека. Имеются ввиду и права беженцев, которые не могут вернуться в свои дома, и права оставшегося в Абхазии населения, изолированного от всего мира блокадой.

Элгуджа Гвазава, член парламента Грузии. — Я хочу коснуться несколько другой темы. Г-н Давид Бердзенишвили высказал мысль о разделении. В этом ничего ужасного нет. На примере Кипра можно сказать, что, когда нет другого решения, можно пойти и на это. Это тоже шаг вперед. Только в случае Кипра все было иначе, не так, как в Абхазии. Оказывается абхазский народ, или апсуа (это еще надо выяснить), должны получить свободу, потому что это их государство, а не грузинское — не родина грузин. Фальсификация истории всегда приводит к неправильной идеологии, а неправильная идеология определяет неправильные шаги в политике. Поэтому наши парни умирали за территориальную целостность, а абхазы за родину. Все это случилось потому, что грузинские историки-коммунисты так превратно толковали историю Грузии. Что касается федерации, разговор о ней шел всегда, и абхазы ее практически имели, но хотели, конечно, еще большей свободы. В Абхазской конституции было написано, что Абхазия — государство, но составлена конституция была так, что центр мог брать себе то, что ему не принадлежало. И еще один вопрос к историкам, не потому, что мы не хотим жить с апсуа или с абхазами, мы должны спасти наше сосуществование — это нам суждено от бога. Но мне, грузину, интересно — в Абазе живет два племени: ашхаруа и таланта. Сегодняшний абхазский язык на 98% схож с языком Ашхаруа, а язык второго племени они не понимают. Если это так, то или абхазы с низин поднялись в Абазу, или же абазы с гор спустились вниз. Давайте дискутировать на эту тему не потому, что это что-либо решит, а для установления исторической правды.

Гига Бокерия, Институт свободы, журналист. — Я думаю, что у нас консенсус в вопросе о российских войсках — до их вывода из Грузии говорить о решении этой проблемы сложно. Хочу отметить, что вывод русских войск из Абхазии и Аджарии — это не два разных вопроса, а один. Я думаю, все согласятся со мной в том, что утверждение Д. Бердзенишвили

было интерпретировано неправильно. Абхазы должны рассматриваться как граждане Грузии. Если мы не сделаем этого, то они не сделают этого тем более. Эксклюзивного права рассматривать абхазский вопрос нет ни у кого — этот вопрос должна решать вся Грузия. Русские войска должны быть выведены, и диалог с абхазами должен начаться.

Отар Жордания, профессор, директор сухумского филиала ТГУ. — В первую очередь хочу вам сказать, что самое главное — найти общий политический язык с Россией, и тогда мы решим этот вопрос. Поэтому наше правительство и президент должны дать задание всем политическим структурам провести работу по налаживанию взаимоотношений с Россией. В этом должны участвовать и правительственные структуры, и весь народ.

Давид Бердзенишвили. — И что вы от этого ждете?

Отар Жордания. — Мы должны найти общий язык с Россией. Второе — тут говорили о конфедерации. Это не случайно. Если мы будем говорить об Абхазской конфедерации, то же самое попросит Аджария и Южная Осетия, т.е. Цхинвальский регион. Третье... Батоно Давид, вам смешно, но ни один абхаз не согласится с вашим проектом о разделении Абхазии. Это неправильно с политической точки зрения, и этого не будет.

Давид Зурабишвили, Институт свободы, журналист. — Не понимаю, почему соображения Бердзенишвили вызвали такой ажиотаж. То, что он сказал, было сказано уже два года назад. Тем более, что абхазы на это не пойдут. Необходимо комплексно обдумать проблему: большое значение имеет процесс интеграции в НАТО, использование международных структур, построение армии, налаживание взаимоотношений с Россией и вывод военных баз. Все вместе взятое — значит строительство сильного грузинского государства и, в первую очередь, грузинской экономики. Решение абхазской проблемы — наше общее дело, но хочу отметить, что, если не будет сильного, богатого грузинского государства, достичь успеха будет очень сложно. Когда живущий в Абхазии человек сравнит нас с севером, он должен ясно увидеть существующие у нас явные преимущества, увидеть, что и с экономической, и с демократической точки зрения здесь лучше. А в Грузии сегодня бюджетный кризис, реформы почти не идут, и все это в комплексе не меньше мешает решению абхазского вопроса, чем Россия.

Мамука Маисурадзе, председатель государственного департамента молодежных деп Абхазии. — Во-первых, я хочу опровергнуть заявление о том, что в Абхазии воевало мало беженцев. Я сам воевал, но вас там не видел. Это оскорбление для тех, кто проливал там кровь и проявлял героизм. Во-вторых, мы все требуем от международных организаций признания чего-то, требуем введения НАТО и ОБСЕ, тогда как наш собственный парламент еще не признал, что в Абхазии имела место

этническая чистка. Для беженцев — это самое большое оскорбление.

Темур Мибчуани, доктор исторических наук, профессор. — Я категорически против того, чтоб уступить Абхазию, я против конфедерации, против того, чтоб отдать половину Абхазии. Если мы уступим, все это завтра может повториться в Квемо Картли, где абсолютное большинство населения негрузинское. Послезавтра это повторится в южной Грузии, где большинство населения тоже негрузинское. А это древние уголки Грузии, как и Абхазия, с которой 1000 лет назад и началось воссоединение Грузии. Абхазия является символом единой Грузии. Что касается абхазов, они не все абхазы — 80% из них коренные грузины, носят грузинские фамилии и являются абхазами, а остальные, например, Дзиба, Цвижба, Ардзинба — они апсуа, родственные им народы жили на Кавказе. И это все надо осознать.

Ираклий Церетели. — Я призываю общественность ознакомиться с резолюцией конференции, которая прошла 16 декабря, призываю наладить связь с нами. Я не отрицаю связи и с Д. Бердзенишвили, и, вообще, для цивилизованных людей не должно составлять труда находить точки пересечения даже с теми же апсуа. Только нужно иметь общие принципы, которые не будут нарушаться.

Реплика из зала. — Г-н Бердзенишвили, мне хотелось бы сказать несколько слов в связи с вашим последним интервью «Никто не позволит нам истреблять абхазов». У меня лично много друзей в Абхазии, и ни один разумный человек не станет требовать ничего истребления. Но люди, которые устроили геноцид грузинам, должны нести ответственность.

Давид Бердзенишвили. — Когда в телепередаче на канале «Рустави-2» был проведен опрос, и на вопрос: «Что делать с Абхазией?» — 50% респондентов ответили: «Упразднить автономию» — это настрой на войну, притом на псевдвойну — воевать не могу, но хочу так говорить. Это маскарадный настрой. Я был единственным депутатом, кто голосовал против упразднения Южно-Осетинской автономии, а весь Верховный совет тогда ликовал. Иногда мнение большинства не стоит того, чтобы его учитывать.

Этери Астемирова, председатель абхазской комиссии по защите прав человека и по вопросам беженцев, член верховного совета Абхазии. — Я абсолютно не согласна с вами, что ответ в интерактивном опросе — это был ответ насильственно перемещенных лиц.

Давид Бердзенишвили. — Я не говорю о насильственно перемещенных, это мнение всего общества.

Этери Астемирова. — Когда шла война и началась интенсивная бомбежка Сухуми, мы помогли выехать оттуда 2000 абхазов, 1500 русских и людей других национальностей. Если бы мы хотели их истребления, мы бы не выпустили их из города, и они гибли бы вместе с нами. Во время бомбежек

погибло более 500 человек.

Реваз Адамия. — Тема, о которой мы говорим, очень сложная. Время телепередачи истекло, и я хочу предложить вам несколько тезисов, с которыми, я думаю, согласятся все:

1. Довести до минимума фактор участия, особенно военного участия, России в конфликте.
2. Использовать диалог с абхазами на всех уровнях, не оценивая, виновны ли они.
3. Изменить восприятие нами Абхазии и абхазов как народа, рассматривая их частью нашей гражданской нации.
4. Что не менее важно, мы сами должны сформироваться, как сильное государство. В противном случае мы ничего не сможем сделать.

Тамара Цагареишвили — Большое спасибо.

Абхазия — пути разрешения конфликта

29 декабря, 1999 г.

Теледискуссию подготовили:
«Студия Ре» и Ассоциация молодых юристов

Давид Пайчадзе, ведущий. — Здравствуйте! Темой нашей сегодняшней передачи является опять Абхазия. Мы сможем побеседовать о статусе Абхазии, о праве на самоопределение, о возвращении беженцев — т. е. обо всех тех вопросах, которые зашли в тупик и остаются открытыми. Как по-вашему, чем мы можем заинтересовать абхазов, т. е. какие факторы могут вынудить абхазов вместе с нами решать те проблемы, которые в настоящее время сегодняшняя власть Абхазии считает проблемами грузинского государства? С этим вопросом я хочу, прежде всего, обратиться к нашим экспертам: г-ну Гвазава, заместителю председателя Верховного Совета Абхазии, члену парламента; председателю правления Кавказского института мира, демократии и развития, политологу и философу Гию Нодиа и председателю Республиканской партии г-ну Хайндрава. Прошу вас, г-н Гвазава.

Гия Гвазава, Парламент Грузии, Верховный Совет Абхазской Автономной Республики. — Прежде всего, я хочу вернуться к предыдущей передаче — в ней было поставлено несколько вопросов, требующих ответа. Когда ставится вопрос о независимости Абхазии и предлагаются какие-то модели раздела, может, на первый взгляд, деление на анклав и приемлемо, если нет ничего другого и если эта территория фактически потеряна. Но когда в основе лежит независимость в историческом плане — то, что это родина абхазов и что та, остальная Абхазия, которая остается севернее Сухуми — это независимое государство, такая идея может существовать, но следует внести некоторые коррективы.

Когда автор говорит об экспансии грузинского населения, когда он говорит, что это не грузинская земля, а земля абхазов, мы должны знать, что экспансия означает захват чужой территории с экономической и политической точки зрения. Это неприемлемо для меня и, по-моему, для всех людей, понимающих этот вопрос. А вот что мы предложим абхазам — это очень просто, и, когда мы там были, не раз предлагали. На сессиях не раз ставился этот вопрос: о федерации. Грузия и была в свое время федерацией, но бразды правления, конечно, были у центра — у Москвы и Тбилиси.

Надо предложить классическую федерацию — общие деньги, общую армию, общие границы, а во всем остальном — свобода. Мне кажется, что

эта модель вполне приемлема, но сегодня нам предлагают какую-то неопределенную ситуацию, говорят об асимметричной федерации, о которой никто в мире ничего не знает, которая практически является той же конфедерацией. Конфедерация — это, конечно, уже другое государство и т.д. Эта идея прозвучала не только в телепередаче, ее приходилось слышать и в других местах, поэтому я так среагировал.

Раз уж мы говорим, мы должны высказать, что мы хотим. Нам суждено жить вместе, и не имеет значения, кто живет рядом с нами — абхазы, армяне и т.д. Это было население Абхазии, и это должно быть восстановлено, и никто никого не собирается истреблять. Это одно. И еще — я не хочу жить в такой Абхазии, когда абхазские грузы приходили сперва в Тбилиси, и сюда мчались эмиссары, а потом уже эти грузы возвращали в Сухуми. Такую Абхазию я не хочу, Абхазия должна быть свободной в решении многих вопросов. Но если мы лишим это исторической основы и скажем, что это не наша родина, а мы создаем там нечто общее, нечто неопределенное — конечно же, эта земля для Грузии будет потеряна.

Гиа Нодиа, Кавказский институт мира, демократии и развития. —

Прежде всего, мы должны признать, что нынешняя ситуация тупиковая, т.е. не существует позиции, приемлемой как для грузинского общества, так и для абхазов. У нас сформировалось несколько точек зрения. Позиция первая: мы должны вести переговоры с абхазами и, возможно, когда-нибудь чего-нибудь достигнем. Но сегодня абхазы ни на что не идут, кроме как на признание их независимости. Есть другая позиция, которая гласит, что абхазы тут не имеют никакого значения, главное — Россия: на самом деле война была с Россией, и договариваться надо опять же с Россией. Это тоже бесперспективно, т.к. неправильно, что абхазы не имеют значения. Во-первых, нравится ли нам или нет, но мы не можем игнорировать то, чего хотят абхазы во главе с Ардзинбой, а во-вторых, мы никогда не сможем убедить Россию сделать то, чего хотим мы. Существует еще идея изменить ситуацию с помощью НАТО, как в Боснии, но это такая же иллюзия, как и решение вопроса с помощью России. Наиболее логичны две следующие позиции: или примиримся с реальностью, создавшейся в результате войны, признаем Абхазию как независимое государство и установим с ней отношения на уровне двух государств — что приемлемо для абхазов и неприемлемо для грузинского общества, или будем готовиться к войне — что сегодня неприемлемо для грузинского общества и чему совершенно не способствует международное положение. Что можно сделать в такой ситуации? Первое — признать положение тупиковым и не предаваться иллюзиям, и второе — в этом тупиковом положении все равно необходима дискуссия, необходимо существование различных мнений и их сравнение.

Самое неприемлемое — это требовать, чтобы существовало одно официальное мнение, обязательное для всех, а любую другую точку зрения считать «вредной».

Концепция республиканцев была опубликована два года назад, но не получила никакого отклика. Сегодня отклик есть, сегодня эта точка зрения дискутируется. Это само по себе — прогресс.

Ивлианэ Хайндрава, Республиканская партия. — Чтобы увидеть выход из тупика, необходимо задействовать несколько факторов.

Первое, наше грузинское общество должно начать осмысливать, что и почему произошло и каковы основные причины сегодняшней ситуации. И это осознание должно начаться не с того, что существует плохая, империалистическая Россия, существуют абхазские сепаратисты и т.д., а с того, что мы в первую очередь должны осознать свои ошибки, т.е. порочные стороны грузинской политики в Абхазии. По существу, в этом вопросе мы должны провести самолюстрацию. Мы должны открыто, без каких-либо табу, говорить обо всем, что связано с этой проблемой. За это я хочу поблагодарить студию «Ре», которая фактически первой начала открытую и широкую дискуссию по этому вопросу. Хочу также отметить, что почему-то заблокировано то расследование, которое несколько лет проводила грузинская прокуратура, и где я тоже дал показания, как и, наверное, некоторые из здесь присутствующих, но почему-то дело замяли. В этом деле нет прозрачности, нет публичности, и это еще один показатель того, что на официальном уровне эта тема в Грузии табуирована. Так вот, табу должно быть снято, должна начаться открытая дискуссия с нелицеприятными оценками, которые в первую очередь будут направлены на нас самих.

Второе, мы должны отказаться от войны как от пути решения проблемы, война — не решение проблемы. И сегодня, когда мы смотрим на Чечню, — я понимаю, что вопрос Чечни находится в другой плоскости, — но, когда мы видим этот ужас и вспоминаем тот ужас, который мы перенесли в Абхазии, разговор об этом надо прекратить. Война — не способ урегулирования проблемы.

Третье — это фактор сильного грузинского государства, прежде всего, экономически сильной страны, за чем последует политическая, дипломатическая, военная сила и т.д. Т.е. мы должны превратить Грузию в страну, притягательную для абхазов, т.е. в такую страну, в которой они захотят и с удовольствием будут жить. И не захотят оглядываться по сторонам.

Четвертое — это общий, в рамках единого государства, диалог грузин и абхазов, диалог между двумя субъектами. К сожалению, то время, когда можно было вести диалог между местными грузинами и абхазами в границах

Абхазии, прошло. Сегодня реальность другая, и сегодня необходим ширококомасштабный грузино-абхазский диалог, в том числе и на уровне политического руководства

Реваз Салия, доцент ТГУ. — Я хочу начать с того, что комплексный подход необходим, но это не значит забыть основное — историзм. Я хочу подчеркнуть, что абхазы — это одно, а апсуа — другое. Если мы не будем исходить из этого, мы никогда не сможем разрешить этот вопрос. В математике есть теория Маркова, по которой можно получить прекрасную модель и закономерности, если отказаться от истории. Но история обязательно должна быть выделена и учтена. Вот у меня здесь есть карта, где в III веке апсуа зафиксированы в Прикаспии, в средние века они в центре Северного Кавказа, а в XVIII веке к северо-востоку от Азова. Если мы не начнем разговор с этого, то никогда ничего не сможем решить.

Гоги Лорткипанидзе, Социалистическая партия. — При обсуждении абхазского вопроса по телевидению мы часто слышим слово «апсуа». Если мы хотим сохранить диалог с Сухуми — будь то на правительственном или неправительственном уровне — то, может, не стоит нам, хотя бы из прагматических соображений (не говоря уже о других), употреблять это слово «апсуа», если оно вызывает какое-то неприятие или отторжение с другой стороны.

Георгий Анчабадзе, профессор, Институт истории и этнографии АНГ. — Беда в том, что в нашем обществе господствует мнение, которое сейчас прозвучало и здесь, будто решение подобных проблем возможно с помощью каких-то исторических открытий. Поэтому общественное мнение приняло неправильное направление. Как историк, я с полной ответственностью заявляю, что мнение будто апсуа — это один народ, а абхазы — другой, абсолютно неверно. Ни один серьезный грузинский ученый так не говорил — ни Иванэ Джавахишвили, ни Симон Джанашия, ни Нико Бердзенишвили и никто другой. Абхазы являются аборигенами Абхазии, и с грузинами у них всегда были тесные, действительно братские взаимоотношения (хотя в советский период термин «дружба народов» был несколько осквернен). Традиционные грузино-абхазские взаимоотношения нарушились только в XX веке, что принесло много бед.

Давид Пайчадзе. — У меня просьба: может быть, не будем уделять слишком много внимания научно-историческому аспекту и побеседуем с учетом современных обстоятельств?

Георгий Анчабадзе. — Я как раз хотел сказать, что мы сейчас не должны отвлекаться на историческую проблематику. Эта карта, которая нам была представлена, далека от реальности. Так каждая из сторон может представить свою карту, свою теорию, и мы никогда не придем к общему

мнению.

Зураб Папаскири, профессор, сухумский филиал ТГУ. — И в прошлой передаче, и сегодня прозвучало, что абхазы являются аборигенами территории Абхазии, но мы забываем, что не в меньшей степени являются аборигенами и грузины, и то соображение, что на территории Абхазии когда-то абхазы численно превосходили грузин, абсолютно не подтверждено документально. Если мы проследим историю на протяжении веков, то ни в один период абхазов на территории Абхазии не было больше, чем грузин.

Теперь относительно советско-грузинской экспансии. Это также совершенно неприемлемое высказывание, я удивляюсь, как такое высказывание допустил г-н Бердзенишвили. Грузинская ССР была советским государством, было это только на бумаге или нет, это другое дело, и каждый проживающий на территории Грузии мог переезжать с одного места на другое. Ни одного абхаза грузины не выжили, не выслали и не заняли его место.

Паата Закареишвили, парламентский комитет защиты прав человека. — Я хочу коснуться темы, затронутой в начале дискуссии — что мы можем предложить Абхазии? Я считаю, что дискуссии такого рода являются лучшим средством показать абхазскому обществу, что в Грузии идет серьезное обсуждение того, какой мы видим Абхазию. Дело в том, что до сих пор в Абхазию поступала только односторонняя информация в виде агрессивных заявлений, что вызывало среди абхазов внутреннюю мобилизацию (в отрицательном смысле). Думаю, что запись этой передачи и другая подобная информация попадет в Абхазию, и они будут иметь возможность увидеть, что беспокоит грузинское общество и насколько глубоки эти дискуссии. Для меня совершенно неприемлемо — и об этом пора говорить публично — то, что нам важно и необходимо беседовать об истории. Не существует более субъективной и тенденциозной науки, чем история. Любой исторический факт можно оценивать то положительно, то отрицательно. Взять, например, Ивана Грозного или Георгия Саакадзе, который был то предателем, то самоотверженным грузинским патриотом. История вообще должна быть изъята из грузино-абхазского диалога: место историков — в лаборатории, и они не должны вмешиваться в политику. Мы не должны вмешиваться в историю, а историки не должны вмешиваться в политические вопросы. Поэтому я призываю вас говорить о том, что мы можем предложить абхазам такое, чтобы заинтересовать их жизнью в новом грузинском государстве. Новая Грузия была создана в 1991 году, 9 апреля, а в августе 1995 года она была основана государственно, конституционно. Поэтому все, кто в это время жили в Грузии — и абхазы, да хоть бы и тунгусы — являются гражданами Грузии, и ко всем мы должны подходить

одинаково. А история, кто, где был, вообще не касается современного демократического государства. И я бы хотел, чтобы дискуссия протекала в таком русле.

Давид Бердзенишвили. — Вообще привлечение истории к этой проблеме, естественно, используется для достижения определенной политической цели, хотя результаты получаем противоположные, отдаляемся от политических целей. Идеализация истории и создание мифа о том, что абхазы поздно заселились, что они гости — это попытка создать в Грузии такое же отношение к абхазам, какое существует по отношению к джавахетским армянам, квемо-картлийским азербайджанцам. Те, кто обращаются к истории, хотят, чтобы абхазов рассматривали в ранге нацменьшинств, хотят превратить историю в определенный политический инструмент по отношению к абхазам. С точки зрения истории это — ложь, с точки зрения политики это — глупость. У истории нет совести, история этим не занимается. История как наука не оценивает процессы с точки зрения справедливости или несправедливости. Есть объективный процесс, который некоторые субъекты, историки, видят так, а некоторые — иначе. Поэтому, когда абхазская сторона активизирует те отрезки истории, — например, раннее средневековье, позднее средневековье, — когда существовавшая на абхазской территории политическая единица не управлялась грузинским центром, часть грузинских историков активизирует другие периоды, которых количественно больше — и такой подход заводит в тупик. Поэтому я думаю, что в урегулировании грузино-абхазских проблем история должна участвовать минимально.

Давид Пайчадзе. — Давайте договоримся больше не выслушивать исторических аргументов. Не будем касаться истории.

Акакий Гасвиани, Верховный Совет Абхазской Автономной Республики. — Что касается путей урегулирования абхазских проблем — это другой вопрос. Нас и раньше, до конфликта, и во время конфликта, и после заботило, чтобы проблема Абхазии была урегулирована только политическими путями, а если это не будет достигнуто такими путями, тогда надо искать альтернативные пути — возможно, это будет принудительное установление мира или восстановление конституционного порядка в Абхазии, но это уже следующий этап. Нам надо найти пути, поэтому я приветствую сегодняшнюю дискуссию — хорошо, что абхазская проблема выдвинута на передний план. Надо искать пути. Для этого мы здесь собрались.

Зураб Чиаберашвили, Национальная библиотека. — Мне кажется, будет лучше, если каждый выступающий расскажет, какой он видит эту проблему в будущем. Раз мы говорим, что должны перейти к диалогу с

Абхазией, мы должны сделать какой-то шаг и оценить самих себя. Только так мы можем требовать, чтобы и они оценили себя. Если мы начнем оценивать себя, то в первую очередь, я считаю, грузинское общество должно пересмотреть свое отношение к существованию так называемого легитимного абхазского правительства, находящегося в Тбилиси. Постараюсь обосновать эту тему. Дело в том, что эти люди, в частности Тамаз Надареишвили...

Давид Пайчадзе. — Г-н Чиаберашвили, извините, этот пересмотр нужен нам для того, чтобы говорить с абхазами?

Зураб Чиаберашвили. — Поясняю: правительство Тамаза Надареишвили неприемлемо для абхазов так же, как для грузинского общества неприемлемо правительство Ардзинбы, участвовавшее в конфликте в качестве направляющей стороны. Для меня более всего неприемлемо то, что правительство Надареишвили, выступая с лозунгами, призывающими заботиться о беженцах и перемещенных лицах, обвиняя власти и правящую партию в том, что они ничего не делают для улучшения положения беженцев, членства в парламенте достигло именно в списках той самой правящей партии. В нравственном отношении я бы расценил это как бессовестность — и я сказал бы, что мы должны сделать этот шаг, чтобы потребовать у абхазского народа, чтобы они тоже задумались, насколько Ардзинба выражает их интересы.

Дали Джонджуа, журналистка. — Тут было сказано: не будем говорить об истории, если мы хотим разрешить проблему. Одно только замечание: когда мы говорим о русско-чеченских отношениях, обязательно следует отметить взаимоотношения Абхазии и Грузии. Если мы хотим создать общественное мнение, и не только в Грузии, но и у международной общественности, то надо обязательно отметить, что между Абхазией и остальной Грузией совершенно другие отношения.

Что касается того, что мы должны исходить из реальности, если хотим разрешить проблему, то мы должны отказаться от иллюзий. А иллюзии я вижу в том, что мы закрываем глаза на то, что вызвало конфликт и из-за чего 300 000 человек превратились в беженцев.

Г-н Бердзенишвили упомянул здесь слово «гость», это самое болезненное слово для грузин Абхазии. Именно политика ублажения по отношению к абхазскому этносу, или апсуа, привела к тому, что они назвали нас гостями.

Еще один фактор, который я просто не могу не отметить: если мы не будем исходить из реальности, мы просто закроем глаза на многое. Тут говорилось о легитимности абхазского правительства. Когда правительство и его руководитель Тамаз Надареишвили говорит «силовые методы», он очень

часто объясняет, что не подразумевает войну. Он просто подразумевает, что виновные обязательно должны быть изолированы. Я ставлю вопрос: означает ли понятие «демократическое общество», что виновные должны остаться безнаказанными? В 1989 году, когда случился конфликт, приехавшее из Тбилиси тогдашнее руководство сказала нам, местным грузинам: «они малая нация и дайте простим им». Вот это прощение и привело нас к нынешней ситуации. Поэтому мы должны реально взглянуть на реальность, и диалог с Ардзинбой должен состояться только в том случае, если он согласится, чтобы лицом к лицу с ним сели Надареишвили и его команда. В противном случае Ардзинба — преступник, поджигатель войны, осуществивший этническую чистку, инспирированную, конечно, Россией. Если мы дадим ему право вести с нами переговоры, почему же нельзя дать право участвовать в переговорах той команде, которая изгнана оттуда за защиту государственных интересов?

Тина Хидашели. Ассоциация молодых юристов. — Я не могу быть такой оптимисткой, если мы станем искать виновных, т.к. я не думаю, что виновных надо искать только в том лагере, и, наверное, в той же мере место на скамье подсудимых должно занять легитимное правительство Абхазии, находящееся сегодня в Тбилиси. Но это уже другой вопрос, и его рассмотрение уведет нас далеко от обсуждаемой темы.

Я хочу вернуться к вопросу ведущего: «Что мы предлагаем Абхазии?» — и рассмотреть его не в историческом разрезе. Я не соглашусь с г-ном Гвазава, что мы до начала войны так уж много предложили абхазам, и с его аргументом, что в то время Грузия уже была федерацией — плохой федерацией, но федерацией. Если это то, что мы предлагали абхазам, то именно это и привело нас к конфликту, именно это и стало его причиной — если мы предлагали им расширение той федерации. Наша проблема в том, что говорят, и сегодня это прозвучало в нашей дискуссии, что асимметричная федерация и конфедерация нежизнеспособны, говорят, что именно такие государства и подвержены распаду. Проблема именно в этом. Не будем бояться названий. Главное не то, как мы это назовем, главное — какой смысл мы в это вложим. Если говорить языком примеров, конфедерация не есть конец света, и хорошим тому примером является Швейцария, которая семь веков как конфедерация, и до сих пор с ней ничего не случилось.

Что касается асимметричной конфедерации, тут можно назвать Канаду, Бельгию и пол-Европы, которые не называются асимметричными федерациями, но существуют в таком виде. Поэтому главное — **что мы предлагаем абхазам**. Если мы не начнем реального диалога, как сказал г-н Хайндрава, между двумя равными субъектами, а не между грузинским

государством и какой-то малой нацией, это снова заведет нас в тупик. Главное, чтобы были переговоры между двумя равными субъектами, а как мы это назовем или к чему они нас приведут — это уже тема другого разговора. Сам факт, что слова, сказанные г-ном Бердзенишвили в прошлой передаче, вызвали такое сопротивление и агрессию, свидетельствует о том, что мы не готовы к переговорам с абхазами и у нас нет никаких позитивных предложений. Если мы сами, грузины, не допускаем существования другого мнения среди грузин, то что же мы можем предложить абхазам?

Гига Бокерия, журналист. — Первое, что я хотел бы отметить: здесь было сказано, что Грузинская ССР была грузинским государством. Так вот, грузинским государством она никоим образом не была. Это мы должны раз и навсегда забыть. Хочу коротко сказать, что никакого противоречия между двумя тезисами — что реально с нами в Абхазии воевала Россия и что мы допустили серьезные ошибки во взаимоотношениях с абхазами — нет. Ясно, что в Абхазии с нами воевала Россия, и что мы допустили серьезные ошибки после того, как разрушился Советский Союз, и мы стали называться независимой политической элитой. Если говорить о жизни в единой стране, мы не предложили абхамам ничего, над чем они могли хотя бы задуматься, Единственное, что они видели — это опасность, что мы готовимся решить эту проблему силой. Напомню вам заявление бывшего президента, потом, уже после переворота, заявления военного лидера о «язвах на нашем теле» и т.д. Так вот, после таких заявлений разговор о правах Абхазии комичен.

В предыдущей передаче я сказал и снова повторяю, что фактор России является решающим, без нее политическое урегулирование не состоится. Это необходимое, но не достаточное условие. Россия должна уйти, а мы должны научиться разговаривать с абхазами, как с абсолютно равными нам гражданами.

Темур Габисония, Совет министров Абхазской Автономной Республики. — Я хочу согласиться с г-ном Хайндрава в том, что необходимо осмыслить случившееся. Но я не думал, что в Грузии существует такая политическая сила, которая сейчас начинает осмысливать то, что случилось в Абхазии. Здесь уже говорилось, и я с этим согласен, что исключать фактор России при рассмотрении этого вопроса — очень большая ошибка. Т.е. то, что случилось в Абхазии, было результатом действия российской политики в Закавказье. Это было неизбежно, как и Карабах, как и Самачабло и т.д. Здесь не имеет смысла судить и ридить о том, что уже случилось, — мы должны говорить о том, что за этим последует в ближайшие 20-30 лет. Россия своего добилась — изгнала из Абхазии большую часть грузинского населения. Сейчас в Абхазии идет планомерное уничтожение абхазского народа. В ближайшем будущем, через 20-30 лет,

Россия получит территорию без местного населения — без грузин и абхазов. Вот, что мы должны сказать абхазам, вот, что должны знать мы, грузины. Если так и дальше продолжится, мы, грузины, теряем территориальную целостность, а абхазы теряют себя вообще.

Здесь говорилось, что инициатором и эскалатором конфликта считается легитимное правительство Абхазии, и, в конце концов, во всем обвинили легитимное правительство. Я хочу сказать, что и Ардзинба, садясь за стол переговоров, и русские тоже всегда говорят: «избавьте нас от Надареишвили, избавьте нас от легитимного правительства Абхазии». Очень интересно, откуда идет эта идея, и очень интересно, как эта идея родилась в этой студии? Надеюсь, вы нам ответите на этот вопрос

Джано Джанелидзе, министр просвещения Абхазской Автономной Республики. — Я много раз говорил в своих выступлениях и опять повторяю: пока абхазский вопрос не избавится от российского фактора, все будет напрасно. Теперь пару слов об одном термине: «конфликт». В Абхазии не было никакого конфликта, это была Великая Отечественная война между Грузией и Россией, а мы этого не говорим. Пока Россия не уйдет из Грузии со своими базами, пока Грузия не останется лицом к лицу с абхазами, с абхазами, а не с апсуа... И мы не можем отрицать принцип историзма, т.к. этот сепаратизм опирается на него — Абхазия якобы была негрузинским государством. Там нет ни одного негрузинского памятника культуры, ни одного негрузинского памятника архитектуры — только грузинские! Это свидетельствует о том, что это было грузинское государство и апсуа смогли выдать себя за абхазов и стать сепаратистами.

Марина Пагава, общественная организация «Помоги себе сам». — У меня есть одна формула, которая дает мне ощущение равновесия и справедливости, выражает то, чего я хочу. С одной стороны, как мать детей-грузин, я хочу, чтобы мои дети вернулись в свой дом в Абхазии, в Сухуми, как к себе домой. С другой стороны, как абхазка по национальности и гражданка, я хочу, чтобы это произошло мирным путем, чтобы абхазы были довольны возвращением моих детей и, вообще, возвращением всего изгнанного населения. Я верю, что такая модель существует, только мы ее не знаем, но если мы хорошо подумаем и поработаем, то придумаем взаимоприемлемые формы сосуществования. Грузино-абхазский диалог ведется давно, грузины и абхазы могут и общаться, и понимать друг друга. Хорошим подтверждением этого являются наши неправительственные встречи с немалым опытом. Этот процесс становится все более интересным, глубоким и конструктивным.

Причина безрезультатности политического процесса, по-моему, в том, что постоянно идет апеллирование к словам-символам: конфедерация,

федерация и т.д. Никто хорошо не продумал, никто четко не сказал, что будет реально, как будет работать та или иная модель.

Шалва Цулеиери, Министерство социальной защиты Абхазской Автономной Республики. — Мы остановились на ошибках, которые были допущены. Я считаю, что и эта дискуссия идет в русле тех ошибок, которые мы совершили. Во-первых, предложенная концепция — разделение на анклав — не только осуществима, но и очень вредна в том аспекте, что ни абхазы, ни грузины на это не пойдут, во-вторых, она льет воду на мельницу каких-то других целей. У русских это меню было издавна в их политической кухне — чтобы отделить от Сухуми другую сторону и присоединить к Краснодару, и над этим они основательно поработали. Потом — аппетит приходит во время еды, — многое даже осуществили. Поэтому теория, предложенная выше, весьма вредна. Вместе с тем, эта теория дает возможность абхазам включить в свою лжепропагандистскую машину еще один тезис: вот видите, грузины говорят: «у нас есть право иметь независимое государство».

Этери Астемирова, Верховный Совет Абхазской Автономной Республики. — Здесь шла речь о том, что легитимное правительство должно уйти в отставку. Здесь были выступления против нас. Я хочу сказать, что еще в Сухуми г-н Надареишвили и наша грузинская фракция, когда увидели, что война неизбежна, заявили: мы уйдем в отставку, если уйдет Ардзинба. И я хочу спросить г-на Бердзенишвили и г-на Гию: за счет чего имеет Абхазия право строить независимое государство — за счет целенаправленной этнической чистки грузин?

Давид Пайчадзе. — Прежде, чем передать слово экспертам, хочу отметить, что наша дискуссия в основном идет в русле предыдущих передач. Но те вопросы, которые ставились в предыдущих передачах, здесь сегодня не ставились, т.е. мы не собирались говорить сегодня о делении на анклавы. Итак, мы несколько отклонились от заданной вначале темы: что мы можем сказать и предложить абхазам? Наша передача подходит к концу, и я хочу предоставить слово нашим экспертам. Г-н Гвазава!

Гия Гвазава. — Может быть, теперь в обратном порядке?

Давид Пайчадзе. — Начнем в обратном порядке: просим г-на Хайндрава.

Ивлианэ Хайндрава. — Я согласен с нашим ведущим: мы, конечно, отклонились от темы беседы. В своем выступлении я попытался сформулировать те факторы, которые могут быть использованы для нахождения точек соприкосновения абхазов и грузин. Состоявшаяся здесь беседа произвела на меня довольно тяжелое впечатление в том смысле, что стереотипы, чтобы не сказать комплексы, не преодолены.

Здесь было сказано, что мы не можем исключить российского фактора. Естественно, его нельзя исключать — это существенный фактор, однако я абсолютно не согласен с тем выводом, что через 30 лет Россия получит территорию в Абхазии. Россия теряет Северный Кавказ. Россия отдаляется от Кавказа, и Грузия должна быть готова к этому моменту — будь то в далекой или близкой перспективе, и было бы желательно, чтобы Грузия и сегодня, и три года назад была готова к этому моменту, но, к сожалению, мы не в таком состоянии. И, к сожалению, при существующем настрое сложно ожидать такой готовности. А именно такая готовность с грузинской стороны абсолютно необходима для прямого и непосредственного диалога с абхазами. Ясно, что Россия является фактором, и этот фактор подействовал так, как и было спрогнозировано. Второе, это разговор о том, что надо покарать виновника — Ардзинбу. Но тогда надо не забывать и наших виновных. А то получается так: Китовани посадили в тюрьму за то, что он во второй раз затеял поход на Абхазию. А когда он шел в первый раз, оказывается, можно было и нужно было? Т.е. возвращаюсь к первому тезису, с которого начал: мы должны разрушить те стереотипы и избавиться от тех комплексов, которые являются препятствием для непосредственного диалога с абхазами. С этого надо начинать.

Гиа Нодиа. — Я не вполне согласен с тем, что мы сильно отклонились от цели передачи. Может быть, в узком смысле мы и отклонились, но, исходя из создавшегося сегодня положения, такое отклонение оправдано: мы все чувствуем, что сегодня мы ничего не можем предложить абхазам, ибо они не согласны на меньшее, чем признание их полной независимости. Поэтому имеет смысл говорить только о долгосрочной перспективе. Как раз с точки зрения такой долгосрочной перспективы главное, что ни грузинское, ни абхазское общество не готово сделать необходимые шаги, чтобы наметить пути для урегулирования конфликта хотя бы в долгосрочной перспективе. Именно поэтому, как сказал г-н Хайндрава, нам надо попытаться преодолеть те стереотипы, которые у нас существуют. С этой точки зрения и эта, и другие дискуссии необходимы и важны.

Я хочу отреагировать на высказывание о том, что какие-то концепции «вредны». По-моему, надо раз и навсегда договориться, что концепции бывают «верные» и «неверные», но не «полезные» и «вредные». Если вникать в корни конфликта, как раз то умонастроение, что некоторые мысли «вредны» и их следует пресекать, очень способствовали развитию конфликта. Мы должны быть открыты по отношению к любым мыслям, в том числе и к тем, которые мы считаем неверными.

Давид Пайчадзе. — Г-н Гвазава.

Гиа Гвазава. — Для начала несколько реплик, а затем суммирование

моего видения. Одна реплика г-ну Хайндрава: в 1989 году никакие войска не входили в Абхазию, однако были первые убийства грузин. Не было ни Китовани, ни Джабы Иоселиани, которые сейчас сидят в тюрьме. Хотя я согласен с вами, что их надо было посадить после того, как они вошли в первый раз, а не во второй.

Теперь о том, что история нам не нужна. Будущее — в прошлом! Это аксиома: кто не знает своего прошлого, у того не будет будущего, для этого необходима история. Пусть это запомнит наша молодежь. Далее...

(Смех в зале, реплики.)

Обращать внимание на чужую невоспитанность — невоспитанность вдвойне.

Сейчас остальные моменты. Сегодняшняя передача — из подготовленного цикла. Это очевидно. Видимо, начинается какая-то волна. Если все дело в абхазском легитимном правительстве, мы уйдем в отставку, как только вы решите этот вопрос! У вас не будет проблем ни с Гией Гвазава, ни с Тамазом Надареишвили, ни с другими — даем гарантии, никаких проблем не будет.

Давид Пайчадзе. — К кому вы обращаетесь?

Гия Гвазава. — К тем, кто решит этот вопрос, кто может его решить, мы ведь мешаем остальной Грузии!

И, наконец, что мы можем предложить абхазам? Нам давно предложили эту формулу и эта формула проста: больше, чем автономия, и меньше, чем независимость. Эту формулу вы можете назвать как угодно — хоть конфедерацией, хоть федерацией, хоть горшком. Только вложите в это единую границу, единые деньги, единую армию. Им предлагают, я слышал, эту концепцию — иметь собственную армию, в которой должны будут служить и грузины. — Пожалуйста, если только мы все вернемся. Но, оказывается, на этом переходном этапе у них должны быть русские деньги, а какие у них будут деньги потом — никто не говорит. Если вы предлагаете такую теорию, для меня это неприемлемо.

Давид Пайчадзе. — Наша передача окончена. Спасибо за то, что пришли в студию.

Встречи представителей грузинских НПО с общественностью Абхазии в рамках проекта «Исследования народной дипломатии в разрешении абхазо-грузинского конфликта»

Предисловие

В процесс разрешения грузино-абхазского конфликта в последние годы включаются люди из различных общественных организации. Усилия народных дипломатов направлены на достижение взаимопонимания и преодоление негативных стереотипов, выработанных за годы активного противостояния сторон. Общество начинает глубже осознавать необходимость мирного урегулирования конфликта. Поиск путей мирного сосуществования наряду с официальной дипломатией происходит и на уровне неофициальной (народной) дипломатии. Наиболее активно включены в данный процесс представители неправительственных, общественных организаций. С 1996 г абхазские и грузинские НПО имели много возможностей для обсуждения и осмысления происшедшего, анализа причин конфликта и поиска возможных точек соприкосновения в рамках как двухсторонних, так и многосторонних встреч. Одним из успешных проектов по построению мер доверия между Абхазией и Грузией является проект «Исследование роли народной дипломатии в урегулировании грузино-абхазского конфликта».

С 14 по 18 декабря в Абхазию в рамках данной программы прибыла грузинская делегация вместе с директором проекта профессором Калифорнийского университета Полой Гарб. После завершения конфликта это была первая попытка организовать встречу грузинской и абхазской общественности на территории Абхазии. Ранее такие контакты были возможны только в нейтральных государствах. Грузинскую сторону представляли: Председатель правления Кавказского института мира, демократии и развития (НПО) философ Гиа Нодиа, сотрудница Кавказского института Марина Элбакидзе, социолог Георгий Анчабадзе — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнографии АН Грузии.

(Марина Элбакидзе и Георгии Анчабадзе в течение двух лет принимали участие в данном проекте. Г. Нодиа был участником другого проекта, результатом которого стала книга, изданная по материалам конференции в Брюсселе (Бельгия) под названием «Грузины и абхазы. Путь к примирению».)

За 4 дня пребывания грузинской делегации в Абхазии были организованы встречи с журналистами, с некоммерческими общественными организациями, научной и творческой интеллигенцией Абхазии. Реакция абхазской общественности на визит неофициальных дипломатов была неоднозначной. В Абхазии внимательно следят за ходом официального переговорного процесса и привыкли к тому, что место переговоров постепенно перемещается с территории нейтральных государств непосредственно в Абхазию и Грузию. Однако к приезду народных дипломатов — представителей научной общественности Грузии, готовых вести непосредственный диалог с представителями абхазского общества, некоторые в Абхазии отнеслись скептически, с недоверием — такой уровень взаимоотношений на этом этапе оказался для них неприемлем. Тем не менее, многие участники встреч с гостями из Грузии считают такие контакты необходимыми, поскольку они дают сторонам возможность непосредственно обмениваться мнениями, что способствует пониманию позиций сторон на уровне общественности. СМИ дали краткое сообщение о целях и ходе визита.

Были организованы две встречи с грузинскими представителями.

15 декабря в помещении культурного центра «Абаза» прошла пресс-конференция. В ней принимали участие журналисты из газет «Эхо Абхазии», «Нужная газета», «Бюллетень НПО», представители Абхазского Гостелевидения, Государственного информационного агентства Абхазпресс, независимого коммерческого телеканала TV-3, общественных организаций, парламента Абхазии, а также студенты и преподаватели АГУ. Встреча проходила в течение 3 часов. Всего присутствовало около 30 человек.

16 декабря в здании Абхазского института гуманитарных исследований (АБИГИ) им. Д. Гулиа АН Абхазии состоялась вторая встреча. В ней принимали участие ученые, сотрудники АБИГИ, преподаватели и студенты Абхазского государственного университета, представители интеллигенции, писатели, сотрудники издательства, общественных организаций — всего около 50 человек.

Батал Кобахия,
Центр гуманитарных программ

Некоторые отрывки из стенограммы пресс-конференции в культурном центре «Абаза»

Тексты стенограмм подготовил Батал Кобахия

В начале встречи Арда Инал-ипа, один из локальных координаторов, в общих чертах рассказала о результатах программы по исследованию народной дипломатии и о целях визита представителей грузинских НПО в Абхазию. Были представлены гости и местные участники проекта. Каждый в нескольких словах, рассказал о собственной мотивации участия в данном проекте, о том какую организацию он представляет, о сфере профессиональных интересов и степени участия. Разговор начался с дискуссии о том, зачем нужна народная дипломатия, и является ли приезд грузинских коллег неким компромиссом с абхазской стороны в процессе разрешения конфликта. Всех интересовало личное отношение участников к конфликту, и какие пути они видят по его преодолению. Тон беседе вначале задал вопрос Зураба Хварцкия, представлявшего Союз защитников Абхазии. Его интересовало: означает ли эта встреча, что мы, абхазы, идем на компромисс, и нужна ли вообще народная дипломатия? С его точки зрения усилия народной дипломатии напрасны, утопичны, и, в конце концов, не столько помогают, сколько мешают естественному процессу взаимоотношений сторон. И нужно ли вообще людям, не облеченным официальной властью, заниматься тем, что возложено на официальные структуры?

1.

Пола Гарб. — Сам факт этого разговора свидетельствует о том, что, несмотря на блокаду, такая деятельность помогает нам немного разобраться и лучше понимать друг друга. Я думаю, каждый из нас выйдет с этой встречи с какими-то новыми и полезными мыслями.

Я хочу высказать свою точку зрения по поводу уступок и компромиссов. Слово компромисс действительно подразумевает уступки. Я думаю, в конфликтологической науке достаточно убедительно доказано, что постфактум это не помогает. Потому что, слыша слово компромисс, вы сразу думаете: «А? Что-то я потеряю!»

Я убеждена, что в нормальном переговорном процессе, а по времени он может быть очень длительным, можно искать не уступки, а общие интересы. И, может быть, в конце этого длительного процесса общие интересы обеих сторон почти что будут удовлетворены. Например, если Абхазия будет независимой от Грузии. Не исключено, что будет и такой исход. Но это не

компромисс. Или наоборот. Может быть, события изменятся и окажется, что в общих интересах Абхазия какое-то время будет жить в рамках Грузии. То есть, я сама не знаю, какой будет исход. Я изначально занимаюсь этой проблемой без видения конечного результата, потому что только сами стороны знают, что составляет их интерес,

И еще один подход — человеческий. Ни в коем случае не разговаривать с точки зрения позиций — какие позиции занимают и на какие уступки могут пойти обе стороны. Потому что, мне кажется, и опыт это показывает, что такой подход не приводит к хорошему результату.

Но, как я уже сказала, и подчеркиваю еще раз, искать эти общие интересы должны все те, кого затронул этот процесс. И мы, на нашем уровне, должны постоянно думать о наших интересах и возможности повлиять на политиков. И они тоже должны стать вынуждены, рассказать народу о том, какие у них интересы. Это нелегкий процесс. Но должен быть найден общий интерес, а не уступки и компромиссы.

Арда Инал-ипа. — Мне кажется, что вопрос Зурика Хварцкия не совсем правильно поняли, и он не услышал ответ на него. Мне кажется, он спросил вот что: учитывая тот факт, что на парламентских выборах к власти в Грузии пришла партия войны, нужны ли усилия народной дипломатии, или они, напротив, могут принести вред, поскольку оторваны от реальности?

Пола Гарб. — Я тогда хотела бы уточнить — какой вред?

Зураб Хварцкия. — Дело в том, что вся политика, которая делается в Грузии, направлена на то, чтобы вернуться к статус-кво. При этом политики там могут занимать иногда положительные, иногда отрицательные, радикальные позиции. Но это никакой роли не играет. В Грузии идет фундаментальная работа, чтоб вернуть к нулю то, что уже нами достигнуто.

Почему началась война? Причина войны была в том, что, по мнению грузин, Абхазия это Грузия. Абхазы не считают, что Абхазия это Грузия. Все! Такая идеология закладывается снова. И на этом пути старания отдельных людей, пусть даже старания из самых лучших побуждений, самых добрых, тормозят этот процесс, ведущий к тому, что должно свершиться.

Арда Инал-ипа. — Я понимаю Зурика, который говорит, что у власти находятся люди, которые хотят привести наши народы к войне, и в этом смысле народная дипломатия может принести вред. Конечно, народная дипломатия приносит вред, в этом ты прав, но вредит она партии войны, а не народу.

Почему ты ставишь знак равенства между партией войны, которая сейчас задает тон беженцам, и народом? Это разные вещи. И такое упрощение мне кажется очень опасным.

Батал Кобахия. — Я не считаю, что усилия народной дипломатии

утопичны. В чем польза от того, что мы делаем? Переговорный процесс идет уже 6 лет. И мы помним, какой шок испытало общество, когда года два назад, в результате переговорного процесса, было вынесено решение о возможном экономическом сотрудничестве, создании совместных винных предприятий, бетонных заводов и т.д. Тогда возмущение людей было связано с тем, что такие решения принимаются до оценки событий, и не столько политической, а нравственной, психологической, эмоциональной. Все мы очень многое потеряли в этих событиях, и не только абхазы, но и грузины. Они тоже думали, что они правы. Каждый думал, что он прав. Но до сих пор мы не сделали такой оценки событий, которая адекватно воспринималась бы и нами, и грузинами. А мы в ней нуждаемся.

А что делает народная дипломатия? По моему убеждению, она создает некий фон. Она пытается дойти до этой оценки, от которой мы, разумеется, еще далеки. Вы не думайте, что вот мы сели, написали статьи и дали какую-то нравственную, психологическую оценку событий. Нет. Но, постепенно, мы к этому идем, во всяком случае — стремимся. И я думаю, что когда мы найдем какие-то взаимоприемлемые решения, это и будет положительный результат. Многих людей пугает это слово, а меня радует. Потому что, если то, что хочу я, приемлемо для грузина, и то, что хочет грузин, приемлемо для меня — это хорошо. Это не должно пугать. А когда этот фон создастся, может быть, люди наверху поймут, что это наша точка зрения. Потому что они могут строить свои политические взаимоотношения, исходя только из наших интересов и убеждений, о которых мы сами и должны говорить, а не искать готовых ответов и не спрашивать их у кого-то. Мне кажется, самое лучшее сказать: я считаю так-то и так-то, и подкрепить это аргументами, которые покажутся оппоненту убедительными и помогут ему принять мою точку зрения.

2.

Максим Рычкалов. — Кто сегодня для Грузии «старший брат»? Сменился ли он на западного «старшего брата»?

Гиа Нодиа. — Абсолютной независимости в политике не существует. Любое, даже самое мощное государство в той или иной степени учитывает интересы других действующих сил. Тем более это касается маленьких и слабых государств, которые обычно ищут сильных покровителей. Недавно в интервью грузинской газете я, в ответ на аналогичный вопрос, привел три аргумента того, почему зависимость от США лучше для Грузии, чем зависимость от России (даже если отвлечься от того, что степень нынешней зависимости от США не сравнить с ранее существовавшей зависимостью от России):

- во-первых, США далеко. Всегда лучше иметь патрона далеко, чем рядом;
- во-вторых, США, как в экономическом, так и в политическом отношении, более развитая страна, чем Россия. Лучше иметь более передового патрона, чем менее передового;
- и потом, если США оказывает нажим, то делает это более цивилизованно, в основном через экономические рычаги, тогда как Россия в основном пользуется старомодными и неуклюжими методами военного давления.

Для кого-то в ориентации на США более важны экономические интересы, для других не менее важен политико-идеологический аспект — сближение с США дает больше шансов на развитие демократии. Впрочем, хотя проамериканской ориентации придерживается большинство общества, есть и носители пророссийской ориентации.

Валерий... Кураскуа. — Гия Анчабадзе говорил о создании благоприятного информационного фона для того, чтобы мы могли ближе продвинуться к мирному диалогу. Он сказал, что начинать урегулирование можно с признания независимости. Мне хотелось бы услышать конкретно Ваше мнение.

Гия Нодиа. — Я не разделяю этого мнения. Часто говорят, что нужно исходить из реальностей. В данном случае есть две реальности. С одной стороны, это существующая де-факто независимость Абхазии. Но есть и другая реальность — эта независимость неприемлема для абсолютного большинства грузинского общества, и такое признание в обозримом будущем политически невозможно. Я считаю, что нужно исходить из обеих этих реальностей.

Валерий... Кураскуа. — А как тогда Вы себе представляете начало урегулирования этого конфликта? У Вас есть своя какая-то точка зрения?

Гия Нодиа. — Я считаю, что надо начать с понимания позиций друг друга и всех реальностей, которые есть, в том числе и понимания взаимного непонимания.

Марина Элбакидзе. — Я бы сказала так. Как каждая личность имеет право решать свою судьбу и принять решение за себя, так и каждый народ по идее тоже имеет право выбрать свою судьбу и построить свою страну.

Но я хочу также отметить, что исходя из сложившихся реальностей, такого свободного выбора вроде бы не дают ни грузинам, ни абхазам. Так же, как свободный выбор каждой личности в какой-то мере ограничен и зависит от многих разных факторов. Если сегодня поставить вопрос: Абхазия независима? Это, наверное, не будет иметь однозначного ответа. Можно сказать: да, де-факто она независима. Но реально она не признана

официально и не имеет все те атрибуты и возможности, которыми должно обладать независимое государство.

Валерии Кураскуа. — Конечно, все понимают, что война никому не нужна, и мы не собираемся воевать. И мы не хотим, чтобы в этом участвовали наши дети, наши родственники. Нам надоела вся эта напряженность, которая существует. Мы соседи. Мы должны сосуществовать как-то. Наше стремление к этому понятно. Понятно, что должна, в первую очередь, создаваться благоприятная атмосфера в нашем и вашем обществе, уже таком разделенном. И эта благоприятная атмосфера будет возможна тогда, когда можно будет говорить о каких-то компромиссах. Хотя под словом «компромиссы» мы понимаем разное, я понимаю, как нужна эта атмосфера. Но, прежде всего, учитывая наше стремление понять практический смысл нашей встречи, мне хотелось бы знать о ваших конкретных шагах в рамках этого проекта? Конкретное какое-нибудь предложение, для начала.

Голос из зала. — Может тогда, когда начинался проект, вопрос не стоял так, как он стоит сегодня. Тогда вопрос стоял о самосохранении нации.

Валерии Кураскуа. — А сегодня как?

Голос из зала. — А сегодня вопрос независимости для нас — это уже реальность, и мы уже говорим о сохранении государственности. Это разные вещи, как мне кажется. Сейчас мы реально доросли до независимого существования, но при этом можем найти такие формы сотрудничества, при которых и грузинам и абхазам плохо не станет: это, прежде всего, экономическое сотрудничество. Но теперь уже признавая независимость как данность,

Рубен Мигранян. — Говорили ли лично вы или ваши коллеги, которые ведут социологические опросы молодежи, о том, как меняется их отношение? Есть ли у вас последователи, единомышленники, среди тех, кто должен придти к вам на смену?

Гиа Нодиа. — Если вы спрашиваете, есть ли кому продолжать заниматься народной дипломатией, то могу однозначно сказать — есть.

Марина.....Элбакидзе. — К сожалению, такие количественные социологические исследования, когда опрашивается большое количество населения Грузии, или скажем Абхазии, и когда можно с большой вероятностью говорить о конкретных процентах людей думающих так или иначе, не проводились. Но проведенные нами методом фокус-групп социологические исследования дают возможность говорить об определенных тенденциях в общественном сознании. В исследовании участвовали представители равных возрастных и социальных групп: студенты, военные, представители интеллигенции, представители НПО и т.д. Результаты

показали, что большинство во всех группах не хочет признавать факта независимости Абхазии. Но при этом, преобладающее большинство не хочет и войны. Они говорят: «Как бы этот вопрос ни решился, будет это независимое или совместное государство, не надо решать конфликт путем войны». Можно сказать, что этим они в какой-то степени проявляют готовность к диалогу. Самое главное, что именно те, кто должен воевать, если завтра что-то случится, т.е. молодые, выступают против войны. Этой позиции в наибольшей степени придерживаются студенты. Может быть, это связано с тем, что студенты в социальном плане активнее остальной молодежи. Но мы проводили опрос и с солдатами-призывниками, которым не довелось воевать. Абстрактно, они готовы в ситуации войны защищать Родину, умереть за Родину. Это похвально для солдата. Но они тоже не хотят войны. Они не хотят вслепую идти на войну, они хотят осмыслить социальные ценности. Они спрашивают: «Зачем нам умирать? Что дороже — наша жизнь или политическое оформление каких-то вопросов?». Поэтому нельзя ответить однозначно, все ли они возьмут оружие и пойдут воевать в случае, если завтра наступит критическая ситуация. В предыдущий раз энтузиазма было больше, сейчас его будет меньше. Это мое мнение, порожденное результатами опроса. И вообще, я надеюсь, на войну умирать с радостью не идут.

Вопрос из зала. — Вы сказали: «защищать Родину». Что, ей кто-то угрожает?

Марина Элбакидзе. — Когда я говорила о защите Родины, имелась в виду идея Родины вообще. То же самое, я уверена, ответят абхазы, если их спросить, готовы ли они защищать свою Родину.

4.

Студентка АГУ. — Как я понимаю, одна из целей народной дипломатии влиять на общественное мнение. Я представляю часть молодежи, студенчества. Мне интересно — какой, по-вашему, должна быть молодежь Абхазии? И что мы, исходя из существующих реальностей, должны думать о Грузии, о наших взаимоотношениях.

Гиа Нодиа. — Я не думаю, что можно найти какую-то простую формулу — грузины хорошие или грузины плохие, или что-то в этом роде. Грузины — одна из наций, народов, обществ, у которых есть свои проблемы, свои плюсы и минусы. Я не знаю, как еще ответить

Пола Гарб. — Можно я немного подредактирую вопрос, а вы скажете, это ли вы хотели узнать? Какую самую главную для вас информацию о Грузии вы бы хотели донести до абхазской молодежи? Вас интересует это или это уже совсем другой вопрос? Вот она пойдет в университет и сможет

рассказать о том, что вы считаете самым главным из того, что надо знать о грузинах.

Студентка АГУ. — Скажите, пожалуйста, имеет ли смысл организовать встречу между студентами? Если да, то, как вы думаете, они действительно готовы с нами беседовать? Мы, со своей стороны, готовы встретиться для того, чтобы обсудить, как совместными усилиями найти выход из создавшейся ситуации, обойти какие то барьеры, заглянуть друг другу в глаза. С помощью телемоста, например.

Марина Элбакидзе. — В нашем социологическом исследовании участвовали студенты из разных вузов. Многие из них никогда не думали о значении народной дипломатии. И когда они обсуждали разные вопросы в связи с этой темой, они постепенно, как бы становились участниками народной дипломатии. И на вопрос девушки: «имеет ли смысл организовать встречу между студентами?» — я хочу ответить просто: «имеет». У студентов в Тбилиси было огромное желание понять, как на самом деле живут их сверстники в Абхазии, что они думают о конфликте, как видят будущие взаимоотношения Грузии и Абхазии? Или просто, какую они слушают музыку? Они хотят больше о вас знать. Они готовы встретиться с вами, они готовы пригласить вас в Тбилиси или приехать на встречу в Абхазию.

Вы сказали, что тоже готовы к общению с ними, что готовы встретиться. Между прочим, когда я сюда ехала, меня попросили узнать, могут ли здесь и хотят ли проведения телемоста? С грузинской стороны с этим не будет проблем, есть определенная группа людей, определенный телеканал. Если у вас есть такие возможности и есть желание, меня просили найти партнеров, тех, кто мог бы это организовать.

Студентка АГУ. — Вот вы говорили о социологических опросах, о группах молодежи, не участвовавших в народной дипломатии. Как, по-вашему, должна участвовать молодежь в процессе народной дипломатии? И должны ли быть такие встречи? Или это только для людей не очень молодых?

Марина Элбакидзе. — Я думаю, диалог должен состояться на всех социальных и возрастных уровнях. Насколько я знаю, такие встречи между молодежью были — вместе отдыхали дети.

Батал Кобахия. — Уже в течение 5 лет действуют миротворческие лагеря для детей из конфликтных зон Закавказья и Балкан. Есть идея проведения социологического опроса детей и их родителей, побывавших в этих лагерях, для определения степени трансформации их мышления в последующий период после общения в миротворческих лагерях. Вот уже два года, как дети из Грузии и Абхазии совместно отдыхают и учатся в Америке.

Программа эта проводится на уровне правительств обоих государств и при поддержке правительства США.

Что касается молодежи. В рамках проекта Фонда гражданской инициативы по построению мер доверия, состоялось 4 молодежных встречи, в которых, наряду с молодежью из Абхазии и Грузии, принимали участие и представители молодежи из различных регионов Кавказа. В процессе работы у них даже родились какие-то совместные идеи, например, издание многопланового журнала. Плохо, что студенты вашего университета, которые побывали на этих встречах, не информировали вас об этих встречах. Может, у них не было возможности? Может, университету надо подумать: как сделать так, чтоб ваши студенты, а во встречах участвовало около 20 студентов АГУ, могли ознакомить вас с этой информацией. А у них была своя точка зрения, причем практически во многом совпадающая с точкой зрения людей среднего, и даже выше среднего, возраста, учитывая, что круг вопросов один и тот же.

Георгий Анчабадзе. — Я бы добавил, что, помимо чисто молодежных встреч, в нашем проекте также участвуют люди, которым по 25-30 лет. По-моему, это тоже молодежный возраст. Но в данном случае, поскольку наш приезд в Абхазию был первым в таком роде, и было ясно, что придется отвечать на вопросы, решили делегировать нас.

Студентка АГУ. — Мой вопрос Марине, поскольку она занимается людьми, пропавшими без вести. Многие в Абхазии считают, что на территории Грузии до сих пор находятся многие из тех, кто пропал без вести во время войны. Существует ли в Грузии мнение, что в Абхазии тоже остались грузинские военнопленные?

Марина Элбакидзе. — Я не думаю, что это очень распространенное мнение в Грузии, но конкретные люди, те, у кого пропал близкий человек, так думают. Те, кто с этим соприкасался, знают, что эти люди надеются, что кто-то еще жив, — может быть, еще жив их близкий человек. Но чтобы это мнение доминировало в обществе, такого — нет. Это как бы надежда.

У меня тоже к вам вопрос в связи с военнопленными. Считают ли у вас, что в Грузии еще есть военнопленные?

Натела Акаба. — Был реальный случай, когда недавно человек вернулся из плена.

Голос из зала. — Это дает возможность предполагать, что там есть еще пленные, о которых не заявлено, и они считаются пропавшими без вести.

6.

Максим Рычкалов. — Есть ли рост гражданского самосознания в грузинском обществе, так сказать, демократизация сознания?

Гиа Нодиа. — Думаю, что такая тенденция в целом есть. Усиливается гражданское общество. Общество привыкает к свободной масс-медиа. Есть достижения и с точки зрения демократичности государственной системы. По международным оценкам, например, одной из наиболее авторитетных в этом смысле организаций «Фридом Хаус», рейтинг Грузии постепенно идет вверх. Правда, последние выборы вызвали разочарование, были серьезные и обоснованные претензии по поводу их недостаточной демократичности. Я думаю, тут сыграли роль два момента. С одной стороны, действительно были серьезные нарушения. С другой стороны, повысился уровень требовательности общества к выборам. В целом, процесс демократизации протекает неравномерно, и его оценки тоже разнятся друг от друга.

7

Марина Элбакидзе. — Люди, которые часто общаются с беженцами, могли бы рассказать больше, чем я, но я тоже общалась с ними и могу сказать, что большинство из них хочет вернуться домой. Для них понятие дома связано с Абхазией, где у них был дом, где они родились, жили и т.д. Часть надеется на возвращение, часть как бы смотрит на это скептически, не надеясь уже ни на что. Но все-таки, большая часть беженцев хочет вернуться к себе домой.

Елена Заводская. — А как они считают, каким образом возможно это возвращение?

Пола Гарб. — На следующем этапе мы предполагаем провести исследование с грузинской стороны и выяснить, как они представляют свое возвращение, свои взаимоотношения с абхазцами, и абхазцев с ними, выяснить более конкретное видение того, как они собираются возвращаться домой.

Батал Кобахия. — Для многих людей возвращение беженцев связано с теми решениями, которые будут приняты в результате политического урегулирования. Но так считают и многие беженцы, с которыми мне, в частности, также приходилось встречаться. У них свои представления о том, как они могут вернуться, у нас свои. Различные точки зрения, различные возможности.

Даур Кварацхелия. — В принципе, прошел не такой уж и большой срок для того, чтоб мы могли найти общую формулу. Все это — впереди. Дай Бог, чтобы мы нашли общие точки соприкосновения, чтобы в целом возобладали миролюбивые силы, чтобы мы вышли на большой уровень отношений.

**Стенограмма встречи
в Абхазском институте гуманитарных
исследований им. Д. Гулиа
АН Республики Абхазия**

16 декабря 1999г.

Встречу открыл Абесалом Лепсая. Он рассказал присутствующим о целях визита грузинских представителей в Абхазию и работе над проектом. Участников встречи приветствовала и Пола Гарб, которая напомнила о том, что не так давно в стенах АБИГИ состоялась презентация первого сборника статей, посвященных народной дипломатии, а также представила гостей из Грузии.

Вначале гости говорили о личных целях и мотивации своего участия в данном проекте и отвечали на вопросы присутствующих. Затем состоялся обмен мнениями.

Гиа Нодиа. — Мы как-то пытаемся снова построить мосты понимания между грузинами и абхазами. Это большая честь и ответственность, которым сопутствует и определенная надежда. Мы приехали, надеясь, что что-то у нас получится. Пола сказала, что смысл народной дипломатии в том, чтобы было достигнуто согласие и понимание между народами, общинами, группами людей. Думаю, что в этом процессе существуют различные этапы: сначала надо достичь понимания, потом может возникнуть и согласие. Я считаю, что на данном этапе главное — это информированность друг о друге, достижение понимания. Потом, может быть, придет и согласие, вначале на уровне небольших групп, а затем на уровне общества или обществ.

Меня просили сначала поговорить о ситуации в Грузии. Грузия — это постсоветская страна, одной из главных проблем которой, как и в других постсоветских странах, является, прежде всего, стабилизация государственности и политического режима. В Грузии эта проблема стоит особенно остро. Я считаю, что и грузино-абхазский конфликт в этом смысле возник в связи с неопределенностью и слабостью государства. С этой точки зрения можно сказать, что в последние годы произошла определенная стабилизация государственности. Но другая проблема, которая опять-таки стоит перед всеми государствами постсоветского пространства, это то, к какому политическому режиму мы приходим: к демократии или к чему-то другому.

Что касается прошедших недавно выборов в парламент Грузии, следует отметить, что своеобразие их состояло в том, что они прошли на фоне

острого противостояния двух политических сил — Союза граждан Грузии, поддерживающего Шеварднадзе, и оппозиционного блока «Возрождение» (неофициально его называют «Батумским альянсом»). За несколько месяцев до выборов опросы общественного мнения давали обеим партиям примерно равные шансы, но в последний месяц рейтинг Союза граждан резко повысился. В конце концов, голоса распределились следующим образом:

41%	Союз Граждан Грузии
25%	Батумский альянс
7%	Партия промышленников

В апреле ожидаются президентские выборы. Хотя в процессе проведения парламентских выборов были серьезные нарушения, их итоги в целом близки к результатам последних предварительных опросов.

Марина Элбакидзе. — В рамках данного проекта я занимаюсь социологическими исследованиями, проводимыми с целью изучения общественного мнения по таким вопросам, как например, причины конфликта и пути его трансформации. Другая сфера моей работы — это поиски пропавших без вести во время грузино-абхазского конфликта. В этом последнем проекте мы с Паатой Закареишвили сотрудничаем с абхазской стороной, изучая отдельные конкретные случаи без поиска виновных и, разумеется, без каких-либо оценок самого конфликта.

Георгии Анчабадзе. — Мое участие в процессе народной дипломатии продиктовано тем, что я хочу способствовать разрядке поствоенной напряженности с тем, чтобы общественные настроения в Грузии и Абхазии постепенно развернулись к пониманию неизбежности мирного диалога. Пока что общественное мнение наэлектризовано послевоенными проблемами, всем тем плохим, что произошло за последние годы между грузинами и абхазами. До тех пор, пока в обществе будет витать этот дух, трудно будет найти выход из создавшегося положения. В результате будет сохраняться обстановка «ни войны, ни мира», которая никого не устраивает (я имею в виду простых, честных людей).

Конфликты такого типа, как грузино-абхазский, не решаются военным путем. Об этом я открыто заявлял с самого начала военных действий в 1992 году, и по сей день подчеркиваю это в своих статьях и выступлениях. Народ нельзя победить.

С другой стороны, можно достичь военного успеха, чего в данном случае добились абхазы. Но если после этого не прийти к взаимоприемлемому миру, то постоянно будет сохраняться напряженность и угроза новых столкновений. Жить в такой неустойчивой обстановке для

малочисленного населения Абхазии должно быть тяжело и трудно. После перенесенной войны такая ситуация, понятно, подпитывает радикализм и недоверие к противостоящей стороне. В грузинском массовом сознании, в целом, это переносится сравнительно легче. Существует, я бы сказал, определенное недопонимание того, что обстановка неурегулированности с Абхазией сильно бьет и по Грузии. Пропаганда внушает населению мысль, будто экономическая блокада Абхазии плоха только для абхазов, а на Грузии она как бы и не отражается вовсе: мол, если продолжать взятый курс, все с течением времени вернется на круги своя. Мне кажется, пока в противостоящих сообществах господствуют такие настроения, официальные переговоры ни к чему не приведут. Процесс будет длиться годами без видимых результатов.

Народная дипломатия в значительной степени свободна от тех условностей, которые связывают официальных дипломатов. Полагаю, что успешное развитие народной дипломатии во многом будет способствовать решениям на официальном уровне. Народные дипломаты не могут принимать политические решения, но они призваны создавать положительный фон переговорному процессу. Некоторые думают, что в народной дипломатии, как и в официальной, встречаются определенные лица, и каждая сторона стремится склонить партнеров к своей точке зрения, навязать им свою волю. А я полагаю, что народная дипломатия должна больше влиять на свое собственное сообщество, чем на партнеров по переговорам. Встречи помогают находить единомышленников и корректировать действия. Наши возможности, хотя и довольно ограниченные, тем не менее, приносят какие-то плоды. По мере развития этого процесса, результаты станут более заметными. В этом отношении данный проект, возглавляемый всем вам известной г-жой Полой Гарб, достиг наибольшего успеха. Я не потому так говорю, что сам представляю эту группу. Я принимал участие и в других проектах, с другим кругом лиц. Тут есть целый ряд факторов, на которых я не хотел бы сейчас подробно останавливаться. Но сказанное подтверждается уже фактом нашего приезда сюда, вызвавшим большой интерес и в абхазском, и в грузинском обществах. Хотя, по большому счету, в Грузии о нашем визите еще не знают, но я уверен, когда об этом станет известно, там тоже будет проявлен большой интерес. Это огромный прорыв. И то, что он произошел благодаря этому проекту, говорит о многом.

Я думаю, что подобные усилия во многом будут способствовать изменению общественного мнения. Я хочу, чтобы стороны были настроены именно на поиск разумного компромисса. Ибо, если после такого конфликта одна из сторон будет чувствовать себя полностью неудовлетворенной, тогда

мира долго не будет. Надо найти взаимоприемлемый выход. Я не имею в виду такой вариант, который в дальнейшем может обернуться против одной из сторон. Я говорю о реальных компромиссах. Все противоборства в истории когда-то кончались. Как известно, была Столетняя война, но и она закончилась. Однако, я не хочу, чтобы мы шли по такому пути, нужно по возможности быстрее продвигаться к урегулированию. Путь нам и так предстоит длинный, еще не скоро между абхазами и грузинами окончательно воцарится мир. Наверное, ряд лет будет сохраняться ситуация, которая никого не устраивает. Поэтому, я думаю, что все люди доброй воли в меру своих возможностей должны способствовать тому, чтобы эта дистанция стала короче.

Вопрос из зала. — Не считаете ли Вы, что надо было организовывать подобные визиты еще до 1992 года?

Георгий Анчабадзе. — Я, разумеется, считаю, что надо было встречаться еще до 1992 года. В силу своих возможностей я этим занимался, о чем многие здесь присутствующие знают. К сожалению, тогда было немного людей, которые что-то делали в этом направлении, если даже они и сознавали необходимость действий.

Слава Бганба. — Чтобы беседа была интересной и конструктивной, хотелось бы в начале нашей встречи узнать, кого вы представляете? Кто вы — просто группа, состоящая из троих, которые думают определенным образом и ведут себя в соответствии с данным проектом? Или же вы представляете более широкую организацию, которая имеет более действенную силу хотя бы в Тбилиси? Я хотел бы также знать, что вы подразумеваете под этноконфликтом?

Гиа Нодиа. — Мы никого не представляем. Я лично представляю только самого себя. Мы — люди, граждане, с другой стороны, мы работаем в НПО. Мы с Мариной работаем в одной организации. Но даже наш институт нас ни на что не уполномочивал. Наш приезд в Абхазию — это индивидуальное решение. Мандат нашего института — развитие демократического сознания в обществе, и в этом смысле мы считаем, что очень важно работать по проблемам этого конфликта.

Что касается того, есть ли у нас много единомышленников, то должен сказать, что мы не проводили специальных социологических исследований по этому вопросу. Что вообще означает понятие «наши единомышленники»? У нас троих тоже по разным вопросам может быть разное мнение. Но в более широком смысле можно говорить о группе людей, которые стараются подходить к этому конфликту с точки зрения необходимости глубокого понимания позиций абхазской стороны и поиска какого-то общего знаменателя. И круг людей, считающих, что именно из этого нужно исходить

в попытках найти выход из конфликта, расширяется. Но я не могу в связи с этим назвать какие-либо цифры, привести социологические данные.

Георгий Анчабадзе. — Мы не делегированы специально какой-то группой или сообществом. Но то, что мы в определенной степени выражаем мнение какой-то, пусть небольшой, части общества, это должно быть ясно. Если бы так думали только мы трое, этот визит не состоялся бы. В нем не было бы смысла.

Например, если вы помните, два года назад в Тбилиси было опубликовано письмо 37 представителей интеллигенции, которое было перепечатано в абхазских газетах. Я один из авторов этого документа. Насколько я знаю, данное письмо имело положительный резонанс в абхазском обществе. Несмотря на, возможно, небольшое количество подписавшихся, эта группа из 37 все же представляет какую-то часть населения. По этому письму можно судить, что в Грузии есть определенное количество людей, думающих несколько иначе. Потом появились другие очень интересные статьи, которые положительно принимаются абхазской стороной. Например, публикации в нашем сборнике или в книге брусельской группы, назовем ее так.

Теперь, что касается термина «этноконфликт». Я не употреблял его сегодня. Была грузино-абхазская война. Это можно назвать конфликтом в узком смысле, хотя, разумеется, противоборство велось с полным напряжением сил. Однако конфликт — более широкое понятие. Грузино-абхазский конфликт начался в конце 80-х годов, когда стали появляться агрессивные статьи, начались митинги, возникло жесткое противостояние. Полагаю, это можно считать началом этноконфликта, хотя некоторые предпочитают называть его политическим. Но тут нет противоречия, каждый этноконфликт обязательно имеет и политическую составляющую.

Сергей Зухба. — Мы хотели бы узнать о ваших личных настроениях. По какому пути, например, вы бы решили идти, если бы от вас зависело разрешение конфликта?

Гиа Нодиа. — Опять-таки это зависит от того, о каком этапе идет речь. Тем более, что до войны можно было бы легче решить конфликт, чем сейчас. Сегодня у меня лично нет рецепта его решения и я скептически отношусь к тому, что у кого-то он может быть. Вначале нужно будет решить проблемы общественного сознания, а не только реальности материального плана. Но первый рецепт, о котором я всегда говорю, заключается в том, что не надо надеяться на «третьи» силы. Такие надежды в грузинском обществе, возможно, еще более сильны, чем в абхазском. Часть общества надеется на то, что одна из сторон может найти каких-то союзников типа России, НАТО, Запада, Новой Зеландии и решить проблему за счет этого. Я думаю, что это

было главной ошибкой и до войны, и во время войны, и после нее. От этого надо отказаться. И на основе этого искать решение. Это, пожалуй, единственный мой рецепт.

Слава Бганба. — Вам, по-моему, был задан другой вопрос: что бы вы делали, если бы, например, стали президентом, и общество подчинялось бы вам? Если я Вас правильно понял, искать союзников — это нецивилизованный подход?

Гиа Нодиа. — Даже если бы я был президентом страны, это не означало бы, что общество мне подчиняется. Так не бывает. Президент Грузии должен всегда иметь в виду различные настроения, которые существуют в обществе.

Пола Гарб. — Хорошо. А можно послушать ваше мнение?

Сергей Зухба. — Я могу высказаться, если, конечно, вы дадите мне время. Я не выступаю от имени народа. У меня на это нет никаких моральных прав. Я выступаю, прежде всего, от своего имени. Я немного знаю свой народ, его настроения, энергию. Даже сегодня, несмотря на то, что произошло, я не видел ни одного абхазца, который сказал бы: «Пусть грузинский народ пропадет». Я филолог и не могу претендовать на роль политика. Но, к сожалению, политика имеет отношение ко мне, и моя судьба, и судьба моего народа зависит от политики.

Что бы грузины ни говорили, ученые или простые люди, ни один ученый еще не доказал генетического родства абхазского народа и грузинского. Этого не было. Контакты были. И грузинский народ был самым близким нам по своей истории. И сейчас взаимоотношения абхазского с грузинским народом могут быть добрососедскими, если:

1. Будет признание тезиса о том, что на свете существует абхазский народ. Самостоятельный абхазский народ, с самобытной культурой, со своим национальным языком, очень древним, не менее древним, чем грузинский, чем русский или английский. Никто, ни один ученый не определил возраст абхазского языка.
2. Будет признание государства — Республики Абхазия. Грузины до сих пор никак не могут этого сделать. Нынешнее поколение грузинских людей в этом отношении воспитано так, что концепция Ингороква живет в их сознании до сих пор. Кстати, именно Зураб Вианорович Анчабадзе написал тогда рецензию на его книгу. В тот период ни один из абхазских ученых, интеллигентов, не смог написать так, как он. Именно книга Ингороква является одной из основных причин возникновения вот этой войны. Именно из-за его концепции, далеко не научной и мифической, все и случилось. Если судить по грузинским высказываниям, у абхазского народа нет Родины. Один ученый даже дошел до того, что заявил, что мы принадлежим к какой-то алтайской семье. Грузины

должны признать, что у абхазского народа есть Родина, локализовать, где она находится, и успокоиться.

3. Эта война не получила оценки ни со стороны грузин, ни со стороны абхазов, ни со стороны международной общественности. Мало ли, что я о себе думаю, я хочу, чтобы и они признали это. Война должна получить оценку. Если она агрессивная, если в ней виноват Ардзинба и его группа — это надо довести до каждого абхазского человека. Немцы, в конце концов, признали, что именно гитлеровский фашизм напал на Советский Союз. Все присутствующие здесь — историки, и вы прекрасно об этом знаете.
4. Надо, наконец, установить границу между абхазами и грузинами. Здесь сидят историки и знают, что границы между Абхазией и Грузией тоже не совсем точны. На востоке ее помогает определить географическое положение, если взять границу по реке Ингур. Но если мы обратимся к истории, все можно будет доказать совсем по-другому.

На другой же день, как только будут признаны эти, по крайней мере, три пункта, я протяну руку грузинскому народу, грузинской интеллигенции. Возьму цветы из Абхазии и возложу эти цветы на могилу моего любимого профессора в Тбилиси.

Я уверен, что все абхазы, если в их жилах течет этническая абхазская кровь, хоть капля крови, все они поняли, что со стороны Грузии это была чисто агрессивная война. Это был «бросок малой империи» в Абхазию. Это была агрессия, оккупация. Это была попытка уничтожения генофонда абхазского народа. Об этом было сказано еще в изречении любимчика Шеварднадзе Каркарашвили, напечатанном во многих СМИ, где он говорил о том, что ему не жалко уничтожить 100 тысяч грузин для того, чтоб покончить с 97 тысячами абхазов.

Я лично перевоспитанию не подлежу. У меня воспитание нормальное, и я им доволен. Сейчас многие мои соотечественники, и ваши тем более, а тем более глава вашего государства, президент Грузии, быстро умеют перестраиваться. Из первого коммуниста Грузии он (Шеварднадзе) быстро превратился в первого христианина...

Вот здесь в центре города стоял памятник Сталину. Потом памятник Сталину убрали, и в скверике сейчас похоронены наши ребята, которые погибли от рук грузинских фашистов. А где похоронены их ребята, погибшие в этой войне? Их ребята для них герои? Наши ребята для нас герои. Как так получается? Москва обвиняет чеченцев в том, что они все бандиты. А чеченский народ считает бандитами их. А что думают сыновья грузин, погибших в Абхазии, их родители? Грузины должны забыть о том,

что есть Абхазия, в смысле того, что это их земля. Они должны забыть, что это их земля. Это не их земля! Ни один историк в природе, начиная с античных историков, мне не доказал, что это их земля,

Они должны были знать, что убивать нас для них не большая честь.

И последнее. Я ни в коем случае не согласен с вами, когда вы говорите о «третьей силе». Я не знаю, правда, что вы имели в виду под термином «третья сила». Если у меня есть друзья, я не буду спрашивать вашего разрешения. Для чего нужны друзья, если мы не можем помогать друг другу, когда нас избивают, убивают?

Станислав Лакоба. — У меня не столько вопрос, сколько комментариев. Я просто хочу сказать, что я знаю этих людей, я имею в виду присутствующих здесь, кроме, пожалуй, Марины Элбакидзе, которую я заочно знал по статье, опубликованной в сборнике в рамках проекта. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что это люди совсем другой направленности. И, видимо, было бы лучше, если бы многие наши сотрудники прочитали работы тех, кто сегодня здесь присутствуют. Мне кажется, тогда тон обсуждения был бы совсем другим.

Я хотел бы упомянуть исследование Марины Элбакидзе, в котором, кстати, отражены многие вопросы, которые здесь затрагиваются в связи с «третьей силой». Ведь авторы, в том числе и Гия Анчабадзе, пишут, что у Грузии тоже есть своя «третья сила». Ясно, кто подразумевается под «третьей силой» в отношении абхазцев. Точно также Гия Анчабадзе пишет, в частности, о восприятии западных стран как «третьей силы». В исследовании Марины Элбакидзе говорится об определенных надеждах части грузин в связи с тем, что ситуация в мире изменится и проблема Абхазии решится сама собой. В то же самое время, в этой работе говорится о том, что многие грузины из тех, кто был опрошен (а это были в основном граждане Грузии), обвиняют грузинское правительство в том, что они ввели войска на территорию Абхазии. То есть, общественное сознание грузинского народа, в общем-то, осуждает подобные акции, во всяком случае, эта волна нарастает. По большому счету, я, кстати, не думаю, что грузины сами по себе взяли и начали войну. Их спровоцировали с обеих сторон.

Я просто хочу сказать, что если бы вы были знакомы с работами этих людей, ваш подход в данной беседе был бы совсем иным. Люди приехали сюда, чтобы найти пути выхода из того положения, в котором мы оказались, потому что ситуация «ни войны, ни мира» никого не устраивает, в том числе, я думаю, и абхазцев. Особенно если говорить с точки зрения будущего вообще.

Естественно, что эти люди приехали не просто так, и то, о чем мы здесь говорим, они знают лучше нас. В статье Гии Нодиа в сборнике «Грузины и

абхазы» очень много говорится об историческом прошлом Абхазии, и акценты расставлены совершенно другие. Вы говорили, что абхазцев насильственно обучали грузинскому языку, так в этой статье осуждаются такие вещи. Выступление Гии Нодиа в Брюсселе было очень смелое, и я спрашивал, как могут воспринять его в Тбилиси. Вот прошло несколько лет, и он приехал в Абхазию. Наверное, какие-то подвижки, какие-то изменения должны происходить. Это единственное, что я хотел бы сказать.

Слава Бганба. — Вопросы задавались для того, чтобы знать, с кем мы говорим, а не просто для того, чтобы дискутировать.

Абесалом Лепсая. — Я просто еще раз хочу напомнить, что наши гости представляют только себя, а не правительство Грузии. Они не могут отвечать за политику Грузии на официальном уровне или за то, что было.

Нелли Аршба. — Мы знаем, что на определенном этапе наши власти хотели бы заключить мир с Грузией без решения, например, вопроса статуса, отложив на некоторое время спорные вопросы, пока не улягутся страсти. Грузинские власти на это пока не идут. Как вы лично к этому относитесь?

Это то реальное, что мы можем сделать вначале для того, чтобы у нас не было вражды — знать, что ни они на нас не нападут, ни мы на них, что не будет терактов и т.д. После этого мира пройдет некоторое время, и потом мы сможем говорить. У меня в Тбилиси тоже есть любимые люди. Я тоже там училась. У меня самые лучшие представления о некоторых людях, у которых я училась. Но я знаю, что они ничего не решали. Я уверена в этом. То есть когда я там училась, я думала что грузины молодцы, что они такие свободолюбивые, они такие демократы. Я думала, как хорошо все-таки, что наш малочисленный народ живет у них в государстве, что они нас защитят, что они знают, какие мы и могут оценить нас, как никакой другой народ.

Но когда началась война, я подумала, что это совсем не так. Когда я там училась, я чувствовала их свободолюбие и интеллигентность, думала, что они никогда не будут относиться к властям подобострастно. Я этим восхищалась. Но потом, когда меня уже там не было, к власти пришел Гамсахурдиа и другие. Они там такую «демократию» устроили, что эта самая интеллигенция боялась что-либо сказать в такой ситуации. Я всегда думала, что такой интеллигенцией может гордиться даже большой народ, но потом представители этой интеллигенции нас стали охаивать.

Я не буду повторяться. Нас не только убивали. Интеллигенция нас поливала грязью по телевизору, унижала наш народ. Конечно, это делали не те люди, которых я люблю, которых до сих пор уважаю, но все равно, это была грузинская интеллигенция. Как мы можем это забыть? Как мы можем забыть оскорбление, когда наших стариков, этих бедных старцев, которые привыкли жить с достоинством, не преклоняясь ни перед кем, убивали и

оскорбляли? Когда они приезжали в Гудауту, они говорили нам:

«Лучше бы мы не знали грузинского языка. Что они о нас говорят?! Как они нас оскорбляют?! Они что — не ученые? Не знают, что лгут?»

Такое не забывается. Это в нас сидит сильно. Не то даже, что они убивали наших братьев и сестер, а то, что они нас морально убивали, оскорбляли через средства массовой информации, в том числе и за рубежом.

(Шум и спор в зале.)

Абесалом Лепсая. — Я хочу вам напомнить, что вы говорите не по адресу. Это не те ученые, которые нас поливали грязью.

Я хочу задать вопрос Гии Анчабадзе, раз уж мы заговорили на эту тему. Как обстоят дела сегодня? Продолжается ли сегодня такая ситуация? Как грузинская научная общественность относится к тому, что появляются многочисленные антиабхазские публикации?

Станислав Лакоба. — Кстати говоря, вышла книга под названием «Абхазия — историческая область Грузии». Авторы — Гамахария и еще кто-то. В принципе там повторяется теория Ингорквва: апсуа, абхазцы и т.д. Мне кажется, они сами там запутались.

Георгий Анчабадзе. — Касательно того, как в современной грузинской историографии трактуются вопросы истории Абхазии и, в том числе, проблема происхождения абхазского народа, я могу сказать следующее. В принципе, до конца 80-х годов этими вопросами занимались немногие грузинские историки и, если и касались их, то, в основном, при разработке проблем истории Грузии в целом. Тогда наука, в общем, не выходила из академических рамок. Положение изменилось с 1989 года, с началом обострения ситуации в Абхазии. Почти одновременно началась и быстрая реанимация теории Ингорквва, которая все эти годы существовала, так сказать, в теневом режиме. Она стала основным аргументом грузинской стороны в разгоревшейся информационной борьбе.

Уже тогда, в начале 89-го года, я выступил на общем собрании сотрудников Института истории и этнографии АН Грузии и заявил, что в условиях наметившегося кризиса со стороны грузинских историков непозволительно возвращаться к позициям Ингорквва. Я сказал, что это несостоятельно с научной точки зрения и неоправданно политически, как шаг, способный инициировать дальнейшее нагнетание напряженности. Но мое заявление было воспринято неоднозначно. Часть зала аплодировала моим словам, но некоторые, как оказалось, увидели в нём нечто другое. Совсем не то, что я имел в виду. Однако свою позицию я никогда не скрывал. Выступая по радио, телевидению, в газетах, в энциклопедии и т.д., я так излагаю историю Абхазии, как считаю правильным. Я хочу, чтобы люди, действительно интересующиеся этим вопросом, имели возможность

получить объективную информацию.

После 89-го года в Грузии об истории Абхазии стали писать очень многие. В том числе историки, никогда раньше в абхазоведении не работавшие, а также непрофессионалы, так сказать, любители. Никогда столько людей в Грузии одновременно не изучали историю Абхазии, как в настоящее время. Выходят статьи, сборники, книги. Красной нитью в них проходит мысль, что на территорию Абхазии с Северного Кавказа происходили частые переселения адыго-абхазских племен и современные абхазы в значительной степени потомки этих мигрантов.

В общем, сегодня положение в историографии следующее. Историки разделены на две группы (я имею в виду тех, кто пишет про Абхазию): их условно можно назвать сторонниками моно- и двуаборигенности. Первые — это прямые последователи Ингороква, хотя по своему размаху и таланту он был гораздо выше. Его последователи, фактически, ничего нового не сказали, только в том же духе повторяют, что абхазы переселились с Северного Кавказа в 17-18 веках.

Сторонники двуаборигенности (а это более известные ученые) заявляют, что на территории Абхазии с древнейших времен обитали картвельские, а также, возможно, и абхазские племена (причем количество последних возрастало в результате перманентных переселений с севера). Отсюда теория двуаборигенности. В остальном они, как и последователи Ингороква, доказывают, что в этнодемографическом, политическом и культурном плане, приоритет в Абхазии всегда принадлежал грузинам. Для обеих групп Абхазия — это грузинская земля. Сторонники моноаборигенности критикуют представителей другого течения за то, что те признают существование абхазского элемента на территории Абхазии по крайней мере с первых веков нашей эры. Особенно их нападка подвергается Нодар Ломоури. Не знаю, дошла ли до абхазской общестственности новая, довольно толстая книга — «Разыскания по истории Абхазии/Грузия», изданная с помощью художника Зураба Церетели. Это издание сторонников двуаборигенности. Наверное, скоро эта книга попадет в Абхазию и вы сможете с ней ознакомиться. А вот книга Гамахария и Гогия, о которой упоминал Станислав Лакоба, это уже издание сторонников моноаборигенности. Вот, пожалуй, все, что можно коротко сказать по этому вопросу.

Вопрос из зала. — Есть ли сторонники третьей концепции?

Георгий Анчабадзе. — Третий — это я. Я стою на позициях Зураба Анчабадзе.

Гиа Нодиа. — Я хотел бы ответить на несколько вопросов, адресованных мне, чтобы вы не подумали, что я ушел от ответов. Во-первых,

на меня часто обижаются историки, но мое мнение таково, что они играют слишком большую роль в этом конфликте. Я считаю, что когда история становится основой для каких-то политических программ, она перестает быть наукой и превращается в идеологию. И это очень плохо как для политики, так и для истории. Так что я считаю, что сегодняшние проблемы нужно решать на основе сегодняшней ситуации. Это, прежде всего, моя позиция.

Тамара Шакрыл. — Я думаю, мы немного отклонились от основной темы нашей встречи — какие пути могут быть найдены с помощью народной дипломатии для налаживания добрых контактов между двумя народами, которые не могут не состояться?

Мне представляется, что есть много направленностей, которые нас объединяют. Их много. В качестве примера для возможных контактов можно взять ИнгурГЭС. Нарушение одной из сторон режима пользования станцией (а она находится по обе стороны границы) становится невозможным, поскольку оба народа в таком нарушении не заинтересованы.

Судя по тому, что я прочла, мы имеем дело с доброжелательными молодыми людьми, как по отношению к абхазскому народу, так и по отношению к грузинскому народу, людьми, которые ищут точки соприкосновения для разрешения конфликта. И я не сомневаюсь, что сегодня можно попробовать найти еще что-нибудь, что может привести к компромиссу и стать нашей общей целью.

Конечно, о вещах, которые нас разделяют, надо говорить, но в то же время надо подумать и над тем, что же еще можно сделать. В общем, высказать свое мнение. Позвольте выразить благодарность вам и за ваш приезд, и за ваше участие, за очень важную, необходимую работу, без которой никакие официальные переговоры не могут сполна решить все проблемы. Я хочу сказать, что нам, возможно, надо чаще встречаться, найти больше применения тому, что уже сделано. Надо продолжать эту работу для того, чтобы не закрыть тот выход, без которого не обойдется ни та, ни другая сторона.

Олег Бгажба. — Я просто хочу продолжить вашу мысль о том, что история очень опасна тогда, когда она связана с политикой. Вы хорошо нам рассказали о создании историографии абхазского народа. Вот это как раз меня и пугает. Мне кажется, что народная дипломатия также должна над этим работать. Вам повезло, что вы, занимаясь народной дипломатией, являетесь историком. Мне кажется, что история — очень опасная штука, как сказал Гия Нодиа. К сожалению, история всегда связана с политикой. Даже Прокопий Кесарийский писал об этом. В этом смысле история может стать хуже автомата Калашникова. Мне кажется, народным дипломатам надо

подумать над тем, как отказаться от ложных стереотипов. Мне кажется, нельзя писать, допустим, историю, заведомо вбив себе в голову мысль о том, что Грузия — это целостная территория, а абхазы не аборигены, не автохтонны. Есть две категории грузинских историков такие, как Мибчуани, и историки, хорошо знающие письменные источники, как тот же Ломоури. Ломоури хорошо знаком с первоисточниками, потому что на византийских конференциях он задавал вопрос: «А как это звучит в первоисточнике?». Вся беда в том, что он, зная эти источники, тем не менее пишет такую историю. Это самое страшное. И поэтому, пока среди историков будет вот такое, пока они не откажутся от каких-то стереотипов, будет плохо. Потому что уже была война, и мы находимся на пороге XXI века. Надо как-то собираться, общаться и выработать нормальное отношение к различным кардинальным проблемам грузинского и абхазского народов, их взаимоотношений. Потому что история так сложилась, что народы соприкасались и в эпоху поздней античности, и в эпоху средних веков, и в советский период. И мне кажется, народной дипломатии надо всячески работать и над тем, чтобы историки поняли свое назначение, тем более, что вы тоже историки. Тем более, что историки вместе с политиками во многом виноваты в том, что случилось.

Гиа Нодиа. — Я немного сказал об истории и роли истории. Я не историк и никак не могу говорить о том, что произошло, в каком веке. Но я не согласен с тем, что нужно взяться за историю и начинать с историков. Может быть, история и связана с политикой, но, я думаю, надо двигаться к тому, чтобы политика меньше была связана с историей, т.е. как можно меньше зависела от мнения историков. Проблема не в том, что историки писали что-то плохое, а в том, что политики и общество слишком слушали их. А когда тебя слишком многие слушают, возникает соблазн писать что-то такое, что многим понравится. В связи с этим я хочу сгладить пессимистическое впечатление, которое, возможно, возникло из слов Гианчабадзе. Грузинское общество меняется в том плане, что оно меньше слушает историков. Может, историкам это и обидно. Я не знаю как в Абхазии, но грузинское общество все больше приходит к мысли, что сегодняшние проблемы надо решать исходя из сегодняшних реалий. И если что-то там произошло в VIII веке, это не должно автоматически решать то, что должно произойти в XX или XXI веке. Так что, если даже позиция каких-то историков ужесточилась, этого нельзя сказать об обществе в целом. В обществе тенденция скорее противоположная.

Георгии Анчабадзе. — Я хотел бы продолжить свою мысль. Я просто обрисовал современное состояние в историографии, но, конечно, нельзя говорить, что позиция ужесточилась. Вот Вы, Олег, сказали, что надо работать с историками. Я по собственному опыту знаю (так как разговаривал

и с политиками, и с военными), что труднее всего говорить с историками. Потому что они имеют какие-то свои схемы, может быть, здесь и вопрос самолюбия, или еще что-то. Легче говорить с военными, их легче склонить к какой-то мысли, чем наших коллег. Это относится не только к грузинским историкам. Это, я думаю, глобальное явление.

Нелли Аршба. — Может, это все-таки связано с заказом сверху, с политическим заказом, и поставлено на государственный уровень? Ингороква появился во времена Берии. Все эти историкки выполняют определенный заказ.

Георгий Анчабадзе. — В отличие от времен Берия, сегодня историки скорее сами поднимают эти вопросы из своих патриотических представлений или с целью оказаться в поле зрения. Делается это по инициативе снизу, хотя общая политическая конъюнктура, конечно, способствует этому. В отношении абхазского вопроса ученые оказались более консервативными, чем грузинское общество в целом. Общество за это десятилетие, с 89 по 99 год, изменилось сильнее.

Слава Бганба. — Вы говорили о Нодаре Ломоури, о том, что он прогрессивный ученый. Но он написал самую страшную книгу. Его книга была прелюдией гальских событий. Ломоури страшнее, чем Гамахария. Влияние на общество таких историков, как Ломоури, к сожалению, сильнее, чем влияние вашей организации. Как бы Вы себя чувствовали в грузинском обществе, если бы Вы написали рецензию на эту брошюру Ломоури?

Георгий Анчабадзе. — Полагаю, нет нужды рассказывать о личных ощущениях, но скажу, что я своих взглядов не скрываю. За прошедшие десять лет я много такого говорил и писал об Абхазии, что шло вразрез с общепринятым мнением. Кое-что не было опубликовано по тем или иным причинам, но кое-что увидело свет. Однако рецензий я, как правило, не пишу. Пишу о конкретных событиях, привожу фактологический материал, когда нужно, даю свою оценку. Пускай читатель сам сравнивает мою информацию с другой и решает чему верить.

Теперь в отношении книги Ломоури. Я как историк не разделяю многие ее положения, но не могу согласиться с тем, будто эта книга была прелюдией к гальским событиям. Может быть, она просто появилась незадолго до событий, но независимо от того, появилась бы эта книга или нет, гальские события произошли бы обязательно. Кроме того, я хочу сказать, что в этом вопросе я могу быть субъективным. Года полтора тому назад некий геолог Зухбая с компанией опубликовали клеветническое письмо против Зураба Анчабадзе. Многие были возмущены этим, но Нодар Ломоури оказался единственным, кто дал клеветникам в прессе достойную отповедь.

Константин Думава. — Всякое доброе дело должно делаться на базе

истины, на базе правды. На лжи ничего хорошего построить невозможно. Я это говорю, потому что та конфронтационная политическая культура, которая прочно держится сейчас в Тбилиси, не даст возможности народной дипломатии и другим усилиям добиться каких-либо существенных достижений. Я об этом сужу по средствам массовой информации, которые мне доступны.

«Свободная Грузия» — это официальная правительственная газета, которая, наверное, продолжает выполнять заказ правительства. Что там только не прочитаешь. Вот я читал материалы конференции «Абхазский геноцид». Там доклад генерального прокурора Бабилашвили. Этот доклад он повторил раньше на сессии 95 года. Что за чушь! Там собрали огромное количество гостей, а он нес такую чушь. Приведу один факт. Там сказано, что в парке им. Курченко было расстреляно более 400 грузин. Я прошу вас, вы здесь рядом, осмотрите парк. Как там можно было расстрелять 400 человек? Почему те, в чьих руках находятся средства массовой информации, хотят делать доброе дело обманом? Им никак не удастся это сделать обманом.

И вот что еще, уважаемый Нодия, я вашу статью в том сборнике читал и считаю ее нормальной. Я просто не согласен со многими вещами, но это нормально. Я там выбрал такую цитату: «большинство грузинских историков никогда не разделяло эту теорию Ингороква». Согласен с Вами. Но где это большинство историков? Их не видно. А тех, кто Ингороква на щит поднимают, мы видим. Католикос, какое он имеет отношение к науке? Он что, ученый? Он дает интервью «Свободной Грузии», называя абхазов неблагодарными гостями на родной грузинской земле Апхазети. Это же формирует общественное мнение грузин. Ну, как он Бога не побоялся, такую вот чушь тиражировать. Шеварднадзе, выступая недавно перед выборами в Зугдиди, сказал в адрес абхазов: «Не хотите с нами жить, тогда верните нам нашу землю, чтоб мы вернули на свою землю 300 тысяч беженцев, тогда мы будем разговаривать с вами иначе». Вот, пожалуйста, вам весь Ингороква. А как можно потом договариваться, если глава государства так думает? А вот газета пишет: «Ардзинба по науськиванию и прямому заказу Кремля начал братоубийственную войну». Разве Ардзинба начал войну? Ну почему правительственная газета пишет такие вещи? На такой платформе, я извиняюсь, договориться будет сложно.

Вот я держу книгу некоего Дзимистарашвили на грузинском языке, которую я с трудом достал. Вот его фотография. Она называется «Что произошло в Гаграх?». Это бывший следователь гагрской прокуратуры, сам он родом из Зугдиди, кстати. Там начал карьеру, а в 70-х годах появился в Гагре. Он сейчас депутат. Вот он пишет о том, какие абхазцы имели

огромные привилегии — все держали в своих руках; что грузины записывались абхазцами, потому что те имели привилегии. Можно такую чушь издавать? Я слышал, что его книгу перевели на русский язык. Разве можно тиражировать ложь? На такой платформе ничего не получится, я повторяю. Почему СМИ нагнетают антиабхазскую пропаганду?

Петр Квининия. — Я хочу кое-что предложить, если это приемлемо для тех, кто занимается народной дипломатией и считает себя причастным к этому делу. В первую очередь это предложение Поле — привлекать к своей работе и политиков, и СМИ, и т.д. При необходимости в конфликтных ситуациях приглашают спорить. Вот если бы здесь, скажем, сидел представитель грузинских СМИ, тогда вопрос, который задавал Бганба («Кто вы, кого вы представляете?»), имел бы другой смысл. А вы не уполномочены никем, вы представляете только самих себя. Продвижение вашей дальнейшей дипломатической миссии в таком случае не будет иметь никакого смысла. Хотя мы верим, что вы желаете добра и вашему народу, и нашему. Но если бы среди вас был хоть один официальный, конечно, приглашенный вами политик и отвечал бы на наши политические вопросы, тогда смысл вашей миссии был бы более значительным. Поэтому вы вправе привлекать в дальнейшем к вашей миссии, к вашей работе, представителей официальных структур, чтобы они ответили на эти же вопросы. А то люди встают и говорят: на нас льют грязь, а те, кто льет грязь, сидят там и продолжают делать свое дело. Так, без привлечения соответствующих органов, народная дипломатия не сработает. Мне так кажется.

Голос из зала. — Для этого есть официальные переговоры.

Петр Квининия. — Нет, вам не нужно принимать форму официальных переговоров. Но в дальнейшем официальных лиц надо привлекать. Если вам такое предложение не подходит, можете не принимать. Я желаю всем добра.

Станислав Лакоба. — По поводу того, о чем говорил Петр, я хотел бы сказать, что встречи представителей грузинских и абхазских СМИ уже проходили.

Пола Гарб. — Я хочу внести пояснения и подчеркнуть, что работа над этим ведется. Есть такие встречи, но они имеют малый резонанс: люди возвращаются с таких встреч и... то ли у них нет времени или возможности, то ли существует какая-то скованность, то ли общество не готово услышать новую информацию. Эти встречи ограничены. Они, бесспорно, играли бы важную роль. Я спрашиваю всех присутствующих здесь: насколько вы готовы, если придет большая группа? И не только те, кого вы знаете с положительной стороны?

Вопрос из зала. — В каком смысле придет?

Пола Гарб. — Придет, чтобы вести научный диалог, конструктивный

диалог. Общество готово к этому приезду? Вы готовы поехать туда? Чтобы расширить круг людей, которые имели бы возможность услышать такие вещи. Не обязательно сейчас отвечать, но это у меня общий вопрос к вам. Мы приехали, чтобы попробовать, что из этого выйдет. Я лично довольна результатами. Считаю, что они имеют большой смысл. Но вам виднее.

Шота Арстава. — Я хотел бы ответить на ваш вопрос. Вечно враждовать с кем-то нельзя. Тем более с грузинами. Между нами были очень хорошие отношения, взаимовыручка, взаимопомощь, взаимопризнание. Непризнание появилось после махаджирского исхода. До этого такого не было. Если сейчас группа грузинских ученых приедет в Абхазию, их не раздерут здесь на части. Здесь не волки живут, а люди. Фактически, абхазский и грузинский народы жили по-братски. Вот травить друг друга или такую легенду выдумывать, что абхазцы — это не абхазцы, что они пришлые, против этого надо бороться. А народ народа не должен бояться.

Это очень плохо, конечно, что эти люди подняли против абхазцев местное грузинское население. Это зло, которое долго будет жить. Но если сегодня кто-то сюда приехал, его здесь убивать не станут, такого не будет. Такую мысль держать у себя в голове не надо. Абхазцы люди очень хорошие, гостеприимные и культурные. И уровень их культуры ничем не ниже, чем у грузинского крестьянина. Убивать грузин никто не будет. Мы надеемся, что если мы поедем в Грузию, там шкуры с нас сдирать никто не собирается, потому что грузины и абхазы тысячелетиями жили рядом и знали друг друга. Если вы у крестьянина грузинского умного спросите: «Кто такие абхазцы?» — он в тысячу раз лучше и обоснованнее объяснит вам это, чем тот историк Мибчуани, который пишет такую чушь, что топонимика Абхазии является грузинской, и который, я извиняюсь, и не историк, и не человек.

Я очень извиняюсь за мой тон. Поймите, что здесь мы никого не собираемся убивать. Крестьяне добрее и гостеприимнее и сегодня же примут грузина, который приедет с братскими намерениями. Это искусственная вражда, это надо уничтожить, истребить. У абхазцев есть поговорка: если ты хочешь жить на белом свете, не наживай врагов. Это у всех народов вообще есть. Тем более абхазцы не хотят наживать врагов. Эти хорошие исторические традиции надо восстановить...

Ну, мало ли что бывает. Кто-то там спровоцировал войну. Такое бывает и между братьями. Но надо вернуться к хорошим традициям, к человеческим отношениям, и они выиграют. Но не надо претендовать на абхазскую землю. Абхазцы не вчера родились. Тысячелетиями мы жили на этой земле. И это говорит историография — и греческая, и арабская и т.д. Крестьяне сами прекрасно знают, чья эта земля. В моем селе жили грузины, которые во

время войны говорили, что грузины совершили ошибку, подняв на абхазцев руку, пожелав отобрать у абхазцев их родную землю. Сами крестьяне так во время войны говорили. К сожалению, историки вроде Ингороква и ему подобные создают настроение общества.

В Абхазии живет более 60 тысяч грузин, и никто их не трогает и не собирается трогать.

Арда Инал-ипа. — У меня вопрос к Марине. Но прежде, чем его задать, я хочу отреагировать на предложение Пети Квициния и вопрос Славы Бганба, которого в данный момент здесь нет, о том, кого представляют эти люди. Они, конечно, очень скромно сказали, что они представляют себя. В этом как бы прозвучала мысль, что они ни на кого не влияют. Это, конечно, очень неверно. Потому что их слово очень много значит в Грузии. Не только в Грузии, но и за ее пределами. К слову Гии Нодиа прислушивается не только западная наука, не только политологи. Он и в своем государстве имеет на умы очень большое влияние. Особенно важно, что он имеет влияние именно на те круги общества, которые имеют отношение к тем, кто принимает решения. Кавказский институт мира демократии и развития, который здесь представляют Марина Элбакидзе и Гия Нодиа, одна из старейших неправительственных организаций. Это институт академического, научного плана, который проводит очень большую работу в гуманитарной и исследовательской сфере и тесно связан со средствами массовой информации. В частности при этом институте есть своя собственная телестудия — «Студия Ре». В Грузии около 10 телеканалов, но эта студия играет большую роль в грузинском обществе. Потому что информация этой студии наиболее достоверная и говорят, что телепередачи этой студии популярнее, чем телесериалы. Их слушает и ждет население. Там — и политические дебаты, и политические новости. Вот некоторые говорят: какой смысл говорить с теми, кто представляет только себя. Это, конечно, не совсем так. Очень большой смысл потому что, то, что скажут эти люди, будет иметь продолжение, влиять на общество.

А теперь мне просто хотелось бы спросить Марину. Вот уже второй год ваша группа занимается социологическими и психологическими исследованиями. Как Вы думаете, что было бы интересно услышать абхазской аудитории из тех результатов, которые вы получили, исследуя общественное мнение относительно конфликта?

Марина Элбакидзе. — Я думаю, абхазской, как и грузинской аудитории, интересно было бы узнать, что думает другая сторона и о конфликте и о будущих отношениях.

Почему возник конфликт? Как можно его разрешить? Точных ответов на эти вопросы в грузинском обществе, конечно, нет. Но я хочу отметить,

что интерес к этой теме большой. Исходя из результатов социологического исследования, я пришла к мнению, что, в принципе, общественное сознание, менталитет, несмотря на эти публикации историков, о которых здесь шла речь, как-то изменились. Какой бы теория не была впечатляющей, «общество» и «народ» не каждый день читают эти книги и не изучают, что там было в VIII или в XII веке. Если над этим планомерно работают и все время преподносят какие-то теории и позиции, это, конечно, срабатывает, и общество начинает в это верить. Но в то же время я хочу подчеркнуть, что, несмотря на такой фон, когда подобные публикации все еще появляются, оценка и отношение к этому вопросу как-то изменились. Изменились в смысле того, что радикальные, агрессивные высказывания уменьшились. Если раньше просто в общении иной вариант, кроме как тот, что Абхазия — это наша, грузинская земля, даже не допускался, сегодня этот радикализм уменьшился и вопрос ставится так: как изменить что-то в положительном направлении? Как это сделать? Не каждый, конечно, человек задается такими вопросами, так как люди заботятся в основном о своих проблемах. А проблем, я имею в виду бытовых, довольно много и в Грузии. Но если разговор на эту тему заходит в определенном кругу или на каких-то семинарах, или если люди просто общаются между собой, они все-таки рассматривают этот вопрос с точки зрения того, что сделать, чтобы изменить существующее положение. И многие как бы признают то, что хотят услышать абхазы: «Мы ошиблись. Мы не должны были этого делать. Не надо было вводить войска». Но вопрос: чья эта земля и кому она должна принадлежать завтра — очень сложный вопрос, и на него социум Грузии реагирует неоднозначно...

Если завтра в Грузии провести референдум или опрос по поводу того, чья эта земля и быть ли Абхазии независимой, большинство ответит, что это часть Грузии, проголосуют за территориальную целостность. И я даже знаю, что у вас большинство, если не все, ответят, что Абхазия независимое государство, и это земля абхазов. Но если этот вопрос поставить в Грузии иначе, например: «Если даже это грузинская земля, вы пойдете завтра воевать, забирать обратно свою землю?» — они не сразу схватятся за оружие и не побегут воевать. То есть, если вы спросите, пойдут ли они завтра воевать, большинство ответит, что они не хотят возвращать Абхазию силой. Они уже очень серьезно ставят вопрос: что важнее, возвращение территории и восстановление целостности Грузии или то, что опять прольется кровь, опять будет много жертв? Что важнее — земля или люди...?

Олег Бгажба. — Есть ли среди опрошенных вами людей те, кто считает, что нужно признать независимость Абхазии?

Марина Элбакидзе. — Да, этот вопрос ставится. Я могу сказать, что

есть люди, но их в Грузии очень мало, которые говорят: «Дадим абхазам независимость». Многие это допускают на уровне обсуждения, в том смысле, что все теоретические версии разрешения абхазского конфликта имеют право на рассмотрение и обсуждение. Это как бы один из возможных, теоретически обсуждаемых методов урегулирования конфликта: надо признать независимость Абхазии, а потом заново строить взаимоотношения на равных правах. Одна из моделей разрешения конфликта предполагает разделение Абхазии на две части.

Олег Бгажба. — Сейчас созревает такой момент, когда ваша общественность должна дорасти до того, чтобы признать Абхазию. Я считаю, что вместе с признанием большинство вопросов отпадет вообще автоматически. Если бы оттуда просто поздравили, когда Абхазия приняла декларацию о независимости, все было бы по-другому.

Слава Лакоба. — Кстати, в статье Гии Нодиа в этом сборнике тоже отражается мнение многих, ну, может, и не многих на самом деле, о существовании модели, предполагающей признание Абхазии,

Сергей Зухба. — Вот я сейчас увидел, а до этого слышал, что кто-то где-то издает абхазские книги на абхазском языке. В частности, вышел сборник абхазских пословиц. Прекрасно изданный и т. д.

На каком основании они издаются, и кому нужны такие сборники на абхазском языке? Мне такие не нужны. Кто их читает? Я специалист, я патриот абхазского фольклора. Кто их читает? Я знаю, что наш президент их тоже не будет читать. Откуда они взяли эти сборники? Вот, Зураб Шенгелия их составил. Откуда он их взял? Я предисловие сейчас посмотрел, там не сказано.

Георгии Анчабадзе. — По-моему, это издание 1967 года.

Марина Элбакидзе. — Этот сборник, по-моему, переиздали.

Сергей Зухба. — А зачем его издают? Почему? И для кого?

Марина Элбакидзе. — Для вас.

Сергей Зухба. — Кто их будет читать? Гамсахурдиа выступал по телевизору на абхазском языке. Вот для такого языка, что ли?

Василий Авидзба. — Это своеобразный ход еще. У них есть программа повышения государственного статуса абхазского языка.

Сергей Зухба. — Я это тоже знаю. Это тоже возмутительно. Вы в курсе дела?

Марина Элбакидзе. — Я в курсе дела. Их издал Зураб Шенгелия, и он считает, что делает хорошее дело для вас. Делает вам книги.

Сергей Зухба. — Мне это не нужно.

Марина Элбакидзе. — Я не утверждаю, что вам это нужно. Но может, не все здесь думают, что не нужно...

Вахтанг Миндиашвили, студент. — Как известно, Грузия является субъектом международного права. Де-юре она является членом ООН. И все пакты, принимаемые ООН, обязательны для всех ее членов. В 1966 году в пакте, принятом ООН, в первой его части, в первой статье говорится, что все народы обладают правом на самоопределение, и в силу этого права они утверждают свой политический статус и устраивают свое экономическое, социальное, культурное развитие. На чем же основывается Грузия, игнорируя это право в отношении Абхазии и ставя ей препоны в определении статуса?

Гия Нодиа. — Этот вопрос очень популярный, и он часто обсуждается. Недавно у нас по телевидению была показана дискуссия на тему самоопределения, ее организовал наш институт. Тут несколько проблем. Во-первых, принципу самоопределения противостоит не менее общепризнанный принцип территориальной целостности, и постоянно идут споры, какой из них главнее. Но основная проблема принципа самоопределения состоит в том, что это, скорее, общая декларация, чем работающий юридический термин. Самоопределяться должен «народ», а определить народ, который реально может стать субъектом такого права, очень трудно. Первоначально формулировка права была сделана в отношении колоний. То есть были западные государства, как Великобритания и Франция, у которых были колонии в Африке или еще где-то, и у этих колоний был отдельный административный статус (как именно «колоний») и границы. Принцип самоопределения подразумевал, что население этих колоний могло само определять свою судьбу, но не было нужды определять, что подразумевается под их «народами». Но как определить самоопределяющийся «народ» внутри единого государства, этого нигде не сказано. Поэтому вне колониального контекста эта норма не может работать как функциональная норма права. То есть, это не только проблема Абхазии, Грузии, Нагорного Карабаха, это вообще проблема международного права.

Вадим Бжания, студент. — Вы упомянули вопрос о территориальной целостности Грузии. Как я понял по вашему ответу, этот принцип противоречит праву наций на самоопределение. Но мне кажется, чтобы обвинять Абхазию в нарушении территориальной целостности, как минимум, надо доказать, на какую часть республики Грузия претендует Абхазия, и надо доказать, что Абхазия является агрессором в отношении Республики Грузия. Здесь просто произошло повышение статуса. Ведь всем известно, что Грузия вернулась к прежней конституции, а в абхазской конституции 1925 года произошел правовой вакуум. По конституции 1925 года нас связывало с Грузией договорное отношение. А по конституции Грузии 1921 года мы как субъект не были предусмотрены. Произошло

противоречие двух конституций, правовой вакуум. Мы просто установили, повысили свой статус. И нарушения территориальной целостности Грузии просто не было.

Сергей Зухба. — Против территориальной целостности Грузии ни один абзаец ничего не имеет. Пусть будет целостной, пожалуйста. Но мы говорим, что Абхазия — не Грузия.

Гия Нодиа. — Я знаю. Я не хочу сейчас вступать в споры по юридическим проблемам. Как я сказал на примере принципа самоопределения, одно дело общая декларация, другое — применение такого декларативного принципа к реальности. Как, например, выделить ту единицу, которая будет потом самоопределяться? От этого все зависит. С принципом территориальной целостности проблема другая: откуда брать отсчет. Есть многовековая история. В одном веке были одни государства, в другом веке другие государства. Какие из них более легитимны? Скажем, официально Грузия и мировое сообщество берут отсчет от СССР: Грузия была тогда в составе СССР, который распался на составные части, и сегодня Грузия существует в границах Грузинской ССР. С другой стороны, есть другая юридическая позиция, популярная среди грузинского национального движения: была Грузия 1918-1921 гг., независимое государство, которое признала также и Россия. Но Россия потом оккупировала это независимое государство, а сейчас Грузия восстановила свою независимость. Юридически тоже вполне обоснованная позиция. Главное, где брать точку отсчета. Я это все говорю для иллюстрации того, что общие декларативные принципы автоматически ничего не определяют: все зависит от политического контекста.

Слава Бганба. — Там нет противоречия между правом наций на самоопределение и территориальной целостностью. Другое дело практика нынешнего состава ООН. Но в самом принципе все ясно оговорено. Там проведена граница: когда народ может воспользоваться правом на самоопределение, например, если это народ, который подвергается геноциду. Такого рода нюансы там предусмотрены.

Гия Нодиа. — Я не специалист по международному праву и не буду слишком углубляться в эти споры. Насколько мне известно, насколько я знаком с литературой, это вопрос очень запутанный. Никакая юридическая процедура не предусмотрена. Здесь упомянули «метрополию». А что такое «метрополия» в нашем контексте? В случае Камеруна и Франции ясно: вот это метрополия, а вот это колония. Но когда речь идет о Грузии, России, Абхазии, здесь вообще нет места для такого юридического понятия, как «метрополия» и, соответственно, «колония». В нашем случае это, скорее, метафоры. Что же касается «нынешнего состава» ООН, это уже проблема

политическая. Она заключается в том, что у многих государств ООН свои проблемы с территориальной целостностью — актуальные или потенциальные. Так что, из чисто политических соображений ООН всегда будет склоняться к принципу территориальной целостности, а не самоопределения. Но это опять-таки политическая реальность, а не юридическая.

Слава Бганба. — А если абстрагироваться от всего, от ООН, от руководства Грузии и т.д.? Вы сами как относитесь к этому вопросу?

Гиа Нодиа. — Самоопределение означает разделение тех людей, которые живут на этой территории к определенному моменту времени, когда этот вопрос ставится. Другое дело, что самоопределение, отделение — это крайняя мера, когда нет других выходов. Потому что на практике это означает крайнее политическое осложнение.

Слава Бганба. — То есть Вы считаете, что у нас нет достаточных оснований для самоопределения?

Гиа Нодиа. — Опять-таки, у кого «у вас»? Я не хочу слишком вдаваться в это, но пока есть те же самые беженцы, этот вопрос невозможно решить однозначно.

Вахтанг Миндиашвили. — Марина сказала, что в грузинском обществе существует мнение, что этот конфликт надо решать путем диалога, общения. Эти позитивные тенденции необходимо укрепить. И я слышал сегодня от Георгия Анчабадзе, что сегодня в грузинском обществе доминирует другая история. Что представляет собой другая история, какие это работы?

Георгий Анчабадзе. — Я вкратце уже охарактеризовал, как освещается история Абхазии в современной грузинской историографии. Там представлены указанные два течения. Третьего нет. Я единственный, кто говорит и пишет иначе.

Голос из зала. — У вас есть сторонники?

Георгии Анчабадзе. — Из тех, кто что-то пишет, нет.

Голос из зала. — А как тогда формируются позитивные тенденции, о которых здесь говорили?

Георгий Анчабадзе. — Формируются оттого, что с течением времени люди начинают иначе смотреть на вещи. Возникли другие проблемы. А исторические опусы, в которых повторяется одно и то же, уже мало влияют на умонастроения. Характерно, что недавно Мибчуани написал пространную статью об истории Абхазии и опубликовал ее в журнале, кажется, в «Дискари». Журнал сделал такую приписку: «Те же вопросы, те же ответы...», что можно трактовать таким образом: все читано и перечитано, ничего нового.

Голос из зала. — Как эти историки объясняют существенное различие

языков грузинского и абхазского?

Георгий Анчабадзе. — Одни не вникают так глубоко. Другие пишут, что абхазский язык принесен адыгами или абазинами с севера и он сосуществовал с картвельскими на одной территории. Как известно, в античной и раннесредневековой Абхазии было четыре основных племени: апсылы, абазги, саниги и мисимияне. Из них саниги и мисимияне однозначно объявляются картвельскими племенами. Насчет апсылов и абазгов существуют различные точки зрения: последователи Ингороква их считают тоже картвелами, а сторонники двуаборигенности допускают, что эти племена, или одно из этих племен, апсылы или абазги, принадлежали к абхазо-адыгской этнической ветви.

Олег Бгажба. — Все-таки нашлись люди, которые дали отпор Ингороква — Ломтатидзе, Бердзенишвили, Соселия. Но сегодня беда в том, что, кроме Вас, в Грузии никого не нашлось, чтобы дать отпор. Я хочу констатировать, что это нехорошая тенденция.

Георгий Анчабадзе. — Знаете, в 56-м году, когда появились эти рецензии на труд Ингороква, ситуация была другая. Сейчас положение сложнее.

Батал Кобахия. — Я хотел бы вспомнить одну абхазо-грузинскую встречу в рамках другого проекта по народной дипломатии. Мы там говорили о препятствиях на пути сближения и о внутренних проблемах. Мы разделились на три группы: абхазскую, грузинскую и смешанную. Там был один специалист по конфликтологии из Америки. Так он посмотрел, что грузины написали одно, абхазы другое, а смешанная группа практически ничего не написала. Сторонами там было высказано очень много отрицательных позиций. И он тогда искренне удивился и сказал: «Меня очень удивляет, что между вами такие противоречия». Я ему тогда напомнил, что семь лет назад у нас была война, и мы еще никак не можем прийти к миру. Почему я это вспомнил? Действительно, у нас очень много проблем на пути построения доверия. И вот то, что сегодня произошло, это маленький шаг. Я понимаю, что нам бы хотелось, чтобы это было волной, но на это трудно рассчитывать, если с нашей стороны не будет движения друг к другу.

Что касается роли историков, с Гией трудно спорить, он дал достаточно много информации по поводу того, что происходит у них. Но я могу предъявить такие же претензии и к абхазским историкам и ученым. Потому что в 1992-1993 гг. (вот мы держим тут книги грузинских ученых и ругаем их, а их ругать не надо, надо давать свою аргументацию) мне лично некогда было писать, так как мне приходилось участвовать в боевых действиях. Но я ожидал, что мои коллеги, друзья (не всем же пришлось воевать, и это

нормально), могли бы больше писать для того, чтобы мир и общественность больше узнали о том, что происходит в Абхазии. А ведь очень многое, что появлялось с той стороны, часто писалось далеко не учеными. Так что иногда мы сами виноваты, что о нас знают очень мало. И проблема в том, что мы о Грузии знаем больше, чем грузины знают о нас. Не потому, что они менее любознательные, а потому что они больше пишут об этом, а мы больше говорим. И надо представлять свои суждения, так подкрепляя их аргументами, чтобы их принимали как у нас, так и с другой стороны.

И потом мне хотелось бы вам напомнить об одном человеке, который не смог сегодня к нам приехать. Пусть это будет один голос. Но для меня этот голос значит больше, чем многие другие голоса, когда он говорит о взаимоотношениях Абхазии и Грузии. Да, он пишет, что хотел бы, чтобы это было единое государство, но при этом он считает, что оно может быть построено только на доверии. Абхазы должны доверять грузинам. Ситуация, при которой я сам могу принимать решение. Что будет дальше, и какое я приму решение — это уже другой вопрос.

И еще по поводу единичного голоса. Я опять хочу возразить. И вспомнить о письме 37, подписавших обращение к общественности Грузии, о других 10, которые еще в 1996 году также подписали письмо, отрицающие силовое решение проблем Абхазии и Грузии. Это позиция. Так вот, 50 человек, я считаю, в данной ситуации очень много. Тем более что за каждым из них есть все-таки те, кто прислушивается к их мнению. Тем более что эти люди пишут достаточно много и хорошо.

Владимир Какалия. — Из того, что я читал о войне 1992-93 гг., я вижу, что очень часто говорят о роли Северного Кавказа, о роли России здесь в Абхазии. И даже у вас нет оценки деятельности тех людей, которые проживали, проживают на территории Абхазии. Я просто хочу сказать, что эта война кончилась так не благодаря чьей-то третьей воле. Присутствующие здесь знают, кто пришел сюда и кто пошел в атаку. Этот вопрос, на мой взгляд, еще недостаточно освещен в Грузии. В Грузии недостаточно понимают то, что военное поражение Грузии было нанесено от большинства людей, живущих здесь, а не от какой-то третьей силы. Шеварднадзе — реалист, который, может, и не читал Маккиавелли, но он поступает примерно так: использует наличие таких соседей, как Россия, добровольцев Северного Кавказа, чтобы оправдать военное поражение. Однако, на мой взгляд, если в Грузии не будет понимания того, что это произошло из-за тех людей, которые здесь живут, а не из-за кого-то еще, то, наверное, трудно будет находить дальнейший компромисс. Потому что любые решения в Абхазии принимают именно те, кто приняли ключевые решения во время войны. Что вы думаете по этому поводу, и как, на Ваш взгляд, отражается

этот вопрос сейчас?

Гия Нодиа. — Я отвечу, как смогу. Во-первых, и об этом я писал в своей статье, одна из главных ошибок всего грузинского общества, а не только политического руководства — это то, что проблема Абхазии рассматривалась и почти не отделялась от проблемы взаимоотношений с Россией. И потому абхазское общество, как политическое действующее лицо, рассматривалось в контексте отношений с Россией, прежде всего как инструмент России против Грузии. Естественно, роль России весьма важна. Но то, что чувствовало абхазское общество, как поступали сами абхазы, это совершенно другое. Это нужно очень четко различать.

Что касается чисто военного плана — кто воевал, сколько и как, то моя проблема в том, что я просто этого не знаю. Я не воевал сам, и о том, каков был состав военных подразделений, воевавших с абхазской стороны, я имею различную информацию от различных людей, но лично не знаю. Я могу строить предположения, основанные на свидетельствах грузинских участников военных действий или западных журналистов, но систематической информации просто не имею. Я ничего не могу сказать точно.

Сергей Зухба. — Сегодня мы вообще не говорили о такой злободневной, актуальной, больной теме, как беженцы. Вот они кричат, что беженцев триста тысяч. Когда они жили здесь, их было 240 тысяч, а сейчас там стало 300 тысяч. Как так получилось, я не понимаю. А здесь официально осталось еще больше 60 тысяч. Но я лично считаю, что они не беженцы. Они не должны получать статус беженцев. Это были оккупанты, и они вернулись к себе на родину. А те грузины, кто не были оккупантами, жили здесь с конца 19 — начала 20 века. Если они граждане, если это патриоты Абхазии, что они делали, когда напали их люди из Тбилиси (я и сейчас не считаю, что грузинский народ напал на Абхазию)? Несколько раз объявлял Шеварднадзе всеобщую мобилизацию, но грузинский крестьянин жил у себя дома и в Абхазию не пошел. Тогда эти беженцы, которых официальные власти квалифицируют как беженцев, являются предателями Родины. Если Абхазия является их родиной.

Галия Калимова. — Во-первых, во всех международных документах их называют временно перемещенными лицами.

Сергей Зухба. — А я считаю их постоянно перемещенными лицами.

Константин Цвинария. — Когда Россия напала на Чечню, лучшая часть русской интеллигенции осудила эту войну. Это факт, известный всему миру. Когда шеварднадзевская Грузия (я не говорю вся Грузия, ибо шеварднадзевская — это не вся Грузия) совершила агрессию против Абхазии, один из лучших писателей — Чабуа Амиреджиби — послал своего

сына воевать в Абхазию. К великому сожалению, этот парень здесь погиб, к великому сожалению. Я сожалею, я оплакиваю его, как всех, кто погиб здесь в этой войне, потому что они не знали что творят.

Я хочу задать вопрос. Не является ли это внешним показателем нравственного поведения грузинской интеллигенции, не всей, может быть? Когда ребенка бьют, когда старуху бьют, когда женщину бьют, тогда кто-то, рядом стоящий, имеющий совесть, говорит: «Что он делает? Почему ты бьешь слабого?».

Я не слышал ни одного голоса, никто из нас не слышал, и об этом я пишу в своей книжке «Автоинтервью». Кто интересуется, она еще в продаже. Я не осуждаю, в принципе, грузинскую интеллигенцию, вы поймите меня правильно, но то, что писатель, который должен был занять позицию примирителя, посылает своего сына воевать против, так сказать, братского народа... Я хотел бы обратиться через вас к грузинской интеллигенции. Теперь, когда вы уже опомнились, дайте таким вещам нравственную оценку. Ибо мы еще не гарантированы, что такие факты не повторятся. Прошу прощения.

Валико Пачулия. — Конечно, мы все равны, мы все одинаковы. Мы должны строить взаимоотношения. Вы создаете международное мнение. Я все ваши труды не читал. Но, судя по тому, что я читал, вы ярче пишете, чем другие. И грамотно. Но в то же время я сказал бы, что с таких позиций мы никогда к примирению между двумя народами не придем. Например, вот вопрос: «Почему началась война?» Вы пишете о причинах возникновения грузино-абхазской войны. Если вы не скажете здесь правду, то примирения у нас, ученых, никогда не будет. Вот тут именно надо сказать правду, надо дойти до истины. Вот с этого начнется примирение. После того, как мы скажем правду о том, как началась война.

Василии Авидзба. — В первую очередь мне хотелось бы поблагодарить всех тех, кто устраивал встречу. Я думаю, все мы получили какую-то пользу от данной встречи.

Во-вторых, я хотел бы поздравить всех присутствующих с тем, что завтра отмечается тысячелетие Ведыского храма. Я думаю, что народы, чьи представители здесь присутствуют, как-то причастны к этому событию. Тысячу лет тому назад существовало Абхазское царство...

Что касается конкретно этой миссии, народной дипломатии, я помню, когда была презентация книги, которую организовала уважаемая Пола, я тогда сказал, что вопрос в том, как грузинское общество ответит для себя на вопрос: как оно относится к абхазцам и к Абхазии, в данном случае как к государству? После решения этого вопроса все станет на свои места. Тогда я высказал приблизительно такую мысль. Я надеюсь, что тенденция идет по

линии улучшения, по позитивной линии, я надеюсь, если вы говорили нам правду.

Но в то же время есть очень много вопросов, к которым нам надо вернуться и решать их. Вообще-то нас, абхазов, называют сепаратистами. Я позволю себе с этим не согласиться. Потому что, если вы помните, сепаратизм в Абхазии еще в советское время начался с того, что мы начали делить университет, Союз композиторов и т.д. по национальному признаку. Вы ведь помните, кто отделялся. Инициаторами этого дела не были абхазы. Давайте тех людей, которые отделились, и назовем сепаратистами, если это плохое слово. Нельзя же все время говорить о любви к Абхазии и все время палки в колеса ставить, мягко говоря. Просто непонятная любовь. Где бы, на каком бы там уровне это не преподносилось, это совершенно непонятная вещь. Ну, мы просто не верим в такую любовь, когда хотят иметь Абхазию, называя ее своей страной, и, в то же время, не хотят людей, которые здесь живут.

И потом, я не буду выступать в роли рецензента, но здесь в Вашей статье кое-какие точки смещены тоже довольно резко. Вы пишете: «Ожидание помощи со стороны России давало надежду на успех», имелось в виду — абхазам. Но понимаете, после Дагомысских соглашений, когда Грузия получила реальное оружие, могли ли рассчитывать абхазы на Россию?

Станислав Лакоба. — Там в конце статьи есть объяснение.

Василий Авидзба. — Я читал до конца. Здесь сказано о том, что якобы Шеварднадзе удержал войска от попытки взять Гудауту. Мы все прекрасно помним, что перед Московскими соглашениями была такая попытка, когда несколько дней они пытались это сделать, перешли Гумисту. Такие моменты как бы сглаживают с одной стороны одних, но в тоже время ставится под вопрос наша позиция.

Я думаю, что мы имеем возможность встречаться и дальше. Но еще раз повторяю — со стороны абхазского народа, несмотря на все, что произошло, нет особой злости, но жить в составе Грузии мы просто не можем. Поэтому решать надо вам. Самое главное — это проблема самих грузин в самой Грузии. Когда мы будем иметь хороших соседей, пусть живут здесь те, кто живет. Вот и все.

Слава Бганба. — Я задавал вам вопросы, чтобы лучше понять, с кем мы говорим. И последнее, что я хотел бы узнать — это ваше отношение к Булату Окуджаве и ваше отношение к грузинским ребятам, которые погибли, воюя на нашей стороне. Признаете ли вы этих грузин предателями, заблуждавшимися или же патриотами Грузии? Я, например, их считаю патриотами Грузии.

Батал Кобахия. — Но ты уже сам ответил на свой вопрос.

Гиа Нодиа. — Тут были вопросы непосредственно по моей книге. На то, чтобы определять западное мнение, я точно не претендую. В этой книге по три статьи грузинских и абхазских исследователей. Мы все шестеро в равной степени воздействуем на это мнение. Хотя не это было основной целью — на кого-то воздействовать. Цель была, прежде всего, в том, чтобы грузинские и абхазские ученые могли встретиться и обсудить наши статьи непосредственно друг с другом. Я слышал, что на других встречах абхазские ученые, представители НПО и общественные деятели меня очень часто упоминали в связи с моей статьей. Мне очень лестно такое внимание. Я открыт для критики и замечаний. Я отнюдь не претендую, что я знаю все. Я не историк, я не изучал эти проблемы во всех аспектах. Я буду очень рад, если будет какая-то критика и информация, которая мне даст более четкое и полное представление о начале, конце войны и вообще обо всех вопросах, которые в этой статье обсуждаются. Я привел в систему то, что я знал, и как я думал. Это не означает того, что я прав, я буду очень рад, если грузинские и абхазские ученые помогут мне улучшить свои знания.

По поводу участия грузин в военных действиях на абхазской стороне могу сказать, что мне известны такие случаи. Полагаю, что это было их право, и уважаю их личный выбор.

Что касается Булата Окуджавы, у меня и моих друзей, как и у очень многих в Грузии, отношение к нему очень хорошее.